This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

236
N3D55
1899

STANFORD
LIBRARIES

P2-59

Дмитрій Алексѣевичъ

НАУМОВЪ.

(Біографическій очеркъ).

Изданіе Московскаго Губернскаго Земства.

МОСКВА.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыков. пер., д. Т—ва, № 9.
1899.

122 н/87

Е 4
Чрд

Дмитрій Алексѣевичъ

НАУМОВЪ.

(Біографическій очеркъ).

Изданіе Московскаго Губернскаго Земства.

МОСКВА.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыков. пер., д. Т—ва, № 9.
1899.

DK
236
N3D55
1899

STANFORD
LIBRARIES

P2-59

Дмитрій Алексѣевичъ

НАУМОВЪ.

(Біографическій очеркъ).

Изданіе Московскаго Губернскаго Земства.

МОСКВА.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыков. пер., д. Т—ва, № 9.
1899.

Дмитрій Алексѣевичъ
НАУМОВЪ.

Предлагаемый сводъ постановленій обнимаетъ собою первыя тридцать два года дѣятельности Московскаго Губернскаго Земства. Изъ этого періода тридцать лѣтъ связаны съ именемъ Дмитрія Алексѣевича Наумова, который до конца своей жизни былъ гласнымъ Московскаго Губернскаго Земства и съ момента открытія земскихъ учрежденій непрерывно въ теченіи 27 лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ Московской Губернской Земской Управы. При такихъ условіяхъ каждая страница свода постановленій представляетъ собою въ тоже время страницу изъ дѣятельности Д. А. Наумова. Поэтому совершенно естественно, что своду должна предшествовать біографія Д. А., выясняющая тѣ черты его личности и дѣятельности, которыя вызывали такое постоянное довѣріе къ нему земскаго собранія.

Составленіе такой біографіи представляетъ, однако, значительныя трудности и, притомъ, по причинамъ весьма различнымъ. Съ одной стороны земская дѣятельность по существу своему является коллегіальною и въ силу этого не только затруднительно, а нерѣдко и прямо невозможно, выдѣлить то, что относится къ дѣятельности даннаго лица и что является выраженіемъ совокупной дѣятельности даннаго состава лицъ. Въ настоящемъ случаѣ эта трудность увеличивается еще тѣмъ, что приходится писать біографію земскаго дѣятеля, начавшаго свою земскую дѣятельность одновременно съ открытіемъ земскихъ учрежденій. Введеніе земскихъ учрежденій, характеризующихся участіемъ общества въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся „мѣстныхъ пользъ и нуждъ", должно было вызвать къ жизни много начинаній совершенно новыхъ, независимо отъ личнаго состава дѣятелей. Сама жизнь съ ея запросами, требованіями, неудовлетворенными нуждами должна была поставить рядъ задачъ, требовавшихъ своего разрѣшенія. Тѣ, которые явились представителями интересовъ, избравшаго ихъ общества, должны были волей-неволей подчиниться давленію жизни и нерѣдко проводить то, что, можетъ быть, и не являлось выраженіемъ ихъ взглядовъ, стремленій, симпатій... Въ этомъ въ значительной мѣрѣ сказывается значеніе и сила земскихъ учрежденій,

которыя сами воспитываютъ дѣятелей и вызываютъ къ жизни то, что, поставленное въ зависимость отъ воли только отдѣльныхъ лицъ, можетъ быть, еще не увидало бы свѣта. Впослѣдствіи, когда формы, условія и задачи земской дѣятельности уже опредѣлились болѣе или менѣе долговременной практикой, представляется еще возможнымъ изъ сопоставленія различныхъ періодовъ земской дѣятельности выдѣлить то, что можетъ быть отнесено на долю даннаго личнаго состава. Но первые шаги земскаго дѣла препятствуютъ такому выдѣленію и потому вопросъ о томъ, что̀ отнести на долю самаго существа земскихъ учрежденій и что̀ на долю ихъ первоначальнаго личнаго состава, представляется почти неразрѣшимымъ. Въ настоящемъ случаѣ, однако, возможно будетъ въ значительной мѣрѣ преодолѣть указанныя трудности путемъ сопоставленія дѣятельности Московскаго Губернскаго Земства съ дѣятельностью другихъ земствъ. Такое сопоставленіе, указавъ на отличіе ея, дастъ основаніе отнести это отличіе на долю личнаго состава Московскаго Губернскаго Земства.

Здѣсь, въ біографіи Д. А. Наумова не приходится, конечно останавливаться подробно на характеристикѣ дѣятельности другихъ земствъ, чтобы выяснить отличительныя черты дѣятельности Московскаго Губернскаго Земства. Достаточно указать на тотъ, всѣмъ извѣстный фактъ, что дѣятельность Московскаго Губернскаго Земства отличается широкимъ развитіемъ разнообразныхъ начинаній на пользу всего населенія и значительнымъ содѣйствіемъ губернскаго земства уѣзднымъ, въ ихъ мѣстныхъ начинаніяхъ. Содѣйствіе это, какъ извѣстно, выражается въ самой разнообразной формѣ и притомъ касается почти всѣхъ сторонъ земской дѣятельности, при чемъ, однако, въ основѣ его лежитъ полное сохраненіе самостоятельности уѣздныхъ земствъ, при условіи проявленія ихъ иниціативы, ихъ самодѣятельности. Все это отмѣчалось не разъ и хорошо извѣстно всѣмъ знакомымъ съ дѣятельностью земской Россіи. Является, поэтому, вопросъ, чѣмъ объяснить эту характерную особенность дѣятельности Московскаго Губернскаго Земства. Обиліемъ денежныхъ средствъ она объяснена быть не можетъ; содѣйствіе, о которомъ говорится здѣсь, проявлялось съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія Московскаго Земства, когда средства его были крайне незначительны. Затѣмъ источники средствъ Московскаго Губернскаго Земства до послѣдняго времени (90-хъ годовъ) были почти тѣже, что и уѣздныхъ, если же и представляли что-либо особенное, то этого не лишены были и нѣкоторыя другія губернскія земства, не отличающіяся, однако, такой широтой дѣятельности. Наконецъ, размѣръ средствъ губернскаго земства зависитъ въ извѣстныхъ предѣлахъ отъ размѣра назначаемаго собраніемъ губернскаго земскаго сбора и, слѣдовательно, каждое губернское земство въ зависимости отъ своего представленія о необходимыхъ для него средствахъ могло назначать тотъ или другой размѣръ обложенія, который по сравненію съ другими видами обложенія никогда не могъ быть значительнымъ. Такимъ образомъ, если въ другихъ

губернскихъ земствахъ не замѣчалось до послѣдняго времени такого широкаго участія ихъ въ начинаніяхъ уѣздныхъ. то это надо отнести на отсутствіе сознанія въ необходимости и плодотворности такого участія. Въ Московскомъ же Губернскомъ Собраніи такое сознаніе очевидно было живо и дѣятельно съ самаго начала; въ тоже время постоянное широкое проявленіе этого сознанія въ дѣйствительности свидѣтельствуетъ о томъ, что оно положено было въ самую основу дѣятельности Московскаго Губернскаго Земства, которая являлась не формальной, а именно земской въ самомъ глубокомъ значеніи этого слова: Московское Губернское Земство постояпно преклоняло ухо къ землѣ, постоянно прислушивалось къ нуждамъ жизни, постоянно вникало въ интересы уѣздовъ и приходило къ нимъ на помощь, разъ въ этомъ сказывалась настоятельная нужда.

Эта отличительная особенность даетъ, такимъ образомъ, возможность признать въ условіяхъ дѣятельности Московскаго Губернскаго Земства существованіе чего то такого, что нельзя отнести только на долю общаго характера земской дѣятельности въ Россіи, и искать этого въ чемъ-либо свойственномъ исключительно Московскому Губернскому Земству. Искать этого въ финансовыхъ условіяхъ Московскаго Земства, какъ уже отмѣчено, нѣтъ основаній. Необходимо, поэтому, остановиться на личныхъ свойствахъ дѣятелей Московскаго Губернскаго Земства. При этомъ, однако, надо имѣть въ виду, что отмѣченная особенность дѣятельности Московскаго Губернскаго Земства проявлялась съ самаго начала и въ теченіе всего послѣдующаго періода. За это время измѣнялся неоднократно личный составъ Губернскаго Собранія, измѣнялись общественныя теченія и настроенія, измѣнялись законодательныя и административныя условія земской дѣятельности, измѣнялся составъ управы, но не падала, а расширялась дѣятельность Губернскаго Земства, формы и способы содѣйствія Губернскаго Земства уѣзднымъ неуклонно развивались и въ то же время во главѣ Губернскаго Земства оставался все одинъ и тотъ же Предсѣдатель Управы Д. А. Наумовъ. Сопоставленіе всего этого заставляетъ волей-неволей отнести многое на долю тѣхъ свойствъ Д. А., которыя заставляли собраніе избирать его постоянно проводникомъ начинаній Московскаго Губернскаго Земства.

Если имѣть все это въ виду, то получится та руководящая нить, при помощи которой возможно выдѣлить ту роль, которая относится къ дѣятельности не только Московскаго Губернскаго Земства, но и на долю Д. А. и остановить, такимъ образомъ, вниманіе на томъ, что освѣщаетъ его личность и дѣятельность. Тѣмъ не менѣе все-таки настоящая попытка дать біографическій очеркъ Д. А. не можетъ претендовать на полноту и законченность. Здѣсь возможно только намѣтить нѣкоторыя основныя черты, характерныя для Д. А., которыя затѣмъ возможно будетъ прослѣдить, изучая дѣятельность Московскаго Губернскаго Земства.

При этомъ, конечно, необходимо сопоставить факты земской дѣ-

ятельности Д. А. съ другими сторонами его жизни и прежде всего остановиться на тѣхъ обстоятельствахъ ея, которыя предшествовали вступленію его на поприщѣ земской дѣятельности и опредѣлили собою тѣ свойства его, которыя затѣмъ проявилось въ немъ какъ земскомъ дѣятелѣ.

I.

Дмитрій Алексѣевичъ Наумовъ родился 10 августа 1830 года въ старинной дворянской семьѣ, родовитой, но не богатой. Родъ Наумовыхъ принадлежалъ къ служилому дворянству, и самъ Д. А. впослѣдствіи нерѣдко упоминалъ о значеніи дворянства, какъ сословія изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитаннаго въ преданіяхъ служебнаго долга. Отецъ Д. А., Алексѣй Александровичъ Наумовъ, участвовалъ въ чинѣ полковника въ походахъ 1812 года, а впослѣдствіи былъ губернаторомъ одной изъ юго-восточныхъ губерній. Мать Д. А., Наталія Дмитріевна, урожденная княжна Волхонская, умерла въ 1834 году, когда Д. А. было 4 года, а его брату Александру Алексѣевичу 3 года отъ роду.

Послѣ смерти матери оба брата остались на попеченіи не замужнихъ и уже не молодыхъ тетокъ—сестеръ Алексѣя Александровича. По выходѣ въ отставку Алексѣй Александровичъ поселился вмѣстѣ съ сестрами и малолѣтними дѣтьми—двумя сыновьями и дочерью въ московскомъ домѣ, принадлежавшемъ его умершей женѣ. Достигнувъ уже преклоннаго возраста (онъ родился въ 1781 году, умеръ въ 1857), онъ въ послѣдніе годы жизни, больной и слабый, почти не выходилъ изъ своей комнаты. Въ хозяйствѣ и въ воспитаніи дѣтей онъ, повидимому, не принималъ дѣятельнаго участія.

Дѣтство и ранняя молодость, проведенныя подъ постояннымъ и почти исключительнымъ женскимъ руководствомъ и наблюденіемъ, точно установленный порядокъ домашняго обихода, нѣкоторая замкнутость и неподвижность всей семейной обстановки, наконецъ отчасти можетъ быть и нѣкоторая матеріальная зависимость отъ старшихъ родственниковъ — не могли не имѣть вліянія, если не на характеръ, то на образованіе извѣстныхъ привычекъ Д. А., и можетъ быть именно этими условіями воспитанія и домашней дисциплины могутъ быть объяснены та обособленность и сдержанность, которыя при всей видимой общительности Д. А. не покидала его даже въ кругу людей ему наиболѣе близкихъ. Его крайняя бережливость и ограниченность личныхъ потребностей, наклонность всегда и во всемъ разсчитывать прежде всего на собственныя силы и на собственный трудъ—повидимому, въ значительной степени могутъ быть приписаны той обстановкѣ, въ которой прошли его дѣтство и молодые годы.

Восемнадцатилѣтнимъ юношей Д. А., по окончаніи курса въ Московской I-ой гимназіи съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена,

зачислился студентомъ юридическаго факультета Московскаго университета въ самую блестящую его пору, въ то время когда университетскія каѳедры были заняты такими представителями науки, какъ Грановскій, Кудрявцевъ и Соловьевъ. О томъ что направленіе всей послѣдующей дѣятельности Д. А. опредѣлилось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ этихъ университетскихъ наставниковъ, самъ онъ свидѣтельствовалъ во время чествованія подчиненными и товарищами его 25-лѣтней службы земству, т. е. почти черезъ 40 лѣтъ по окончаніи университетскаго курса, заявляя, что руководящія начала всей жизни вынесены имъ изъ университетскихъ аудиторій, и особенно съ глубокой признательностію, называя имя Т. Н. Грановскаго, воспитывавшаго въ своихъ слушателяхъ чувство гражданскаго долга и выяснявшаго имъ обязательность для каждаго посильно служить общественному благу.

Въ 1852 году Д. А. окончилъ университетскій курсъ съ званіемъ кандидата правъ и весною 1853 г. поступилъ на службу въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на должность переводчика третьяго. Въ то время служба въ Архивѣ, хотя очень скромно вознаграждаемая, или даже безплатная, считалась довольно почетною. Управляющій Архивомъ Гофмейстеръ кн. М. А. Оболенскій принималъ на службу почти исключительно молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ, или лицъ, уже заявившихъ себя научными работами. Въ числѣ переводчиковъ-товарищей Д. А., можно назвать М. П. Полуденскаго, А. Д. Черткова, Ю. С. Нечаева (нынѣ Нечаева-Мальцева) И. С. Шиловскаго, Д. П. Калошина, изъ лицъ извѣстныхъ своими учеными трудами сослуживцами Д. А. по архиву были: А. И. Аѳанасьевъ, В. М. Ундольскій, А. Е. Викторовъ, П. А. Безсоновъ, П. И. Бартеневъ. Служба переводчиковъ не требовала не только постояннаго труда, но даже и ежедневнаго посѣщенія архива, такъ какъ число переводчиковъ, большею частію не получавшихъ жалованья, было довольно велико, а число документовъ, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ и представляемыхъ въ архивъ для перевода — весьма ограничено. Это давало возможность Д. А. не прерывать своихъ отношеній къ университету и готовиться къ магистерскому экзамену. Тема магистерской диссертаціи, которую онъ защищалъ въ 1856 г.:—„Консульское право въ Европѣ и Америкѣ“, даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что первоначально онъ имѣлъ въ виду дипломатическую карьеру, для которой служба въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ считалась иногда подготовительной, и такое предположеніе какъ бы оправдывается полученною Д. А. въ маѣ 1857 года командировкою въ С.-Петербургъ по назначенію Министра Иностранныхъ Дѣлъ для занятій въ Министерствѣ. Однако уже въ октябрѣ того же года Д. А. возвратился къ занятіямъ въ Московскомъ Архивѣ на должности столоначальника, съ скромнымъ годовымъ окладомъ въ 400 съ чѣмъ то рублей. Столоначальникомъ Архива Д. А. пробылъ также недолго. Въ январѣ 1859 года онъ пере-

шелъ на службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія на должность цензора Московскаго цензурнаго Комитета. Происходило это въ то время, когда, пользовавшійся большою популярностію, цензоръ Фонъ-Крузе долженъ былъ выйдти изъ состава цензурнаго Комитета не по своему желанію. Но и Д. А. оставался цензоромъ не долго — менѣе года: приказомъ отъ 28 декабря 1859 года онъ причисленъ былъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія съ увольненіемъ отъ должности цензора, и только черезъ два года назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ Московскаго учебнаго округа.

II.

Таковы внѣшнія черты біографіи Д. А, до открытія земскихъ учрежденій. Изъ нихъ, между прочимъ, можно видѣть, что раньше чѣмъ стать земскимъ дѣятелемъ, Д. А. пробовалъ свои силы на разныхъ поприщахъ государственной службы и ни на одномъ не оставался долго. Послѣднее обстоятельство даетъ основаніе предположить, что содержаніе и формы этой дѣятельности не удовлетворяли его. Къ моменту открытія земскихъ учрежденій онъ уже выступаетъ на доступномъ въ то время поприщѣ общественнаго дѣятеля.

Въ 1860 г. онъ вступилъ въ число членовъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, а въ февралѣ 1863 г. былъ избранъ секретаремъ общества. 6-го октября 1865 г., въ четвертомъ засѣданіи перваго очереднаго Московскаго Губернскаго Земскаго Собранія Д. А. былъ избранъ большинствомъ 58 голосовъ противъ 17-ти на должность предсѣдателя Московской Губернской Земской Управы. Съ этого момента вся его дѣятельность до самой его смерти связана съ дѣятельностью земства и вся дальнѣйшая біографія его должна быть посвящена изображенію его главнѣйшимъ образомъ какъ земскаго дѣятеля.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, однако, что въ дальнѣйшемъ теченіи своей жизни Д. А. ограничивалъ свою дѣятельность исключительно тѣмъ широкимъ кругомъ, который опредѣлялся задачами земства. Онъ былъ общественнымъ дѣятелемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и потому отзывался и на другія общественныя нужды, преслѣдуя вездѣ просвѣтительныя задачи. Съ другой стороны та обширная опытность и знаніе условій русской жизни, которыя даны ему были его дѣятельностью предсѣдателя губернской земской управы, очевидно цѣнились въ административныхъ и государственоыхъ сферахъ, вслѣдствіе чего онъ былъ неоднократно призываемъ къ участію въ совѣщаніяхъ по выработкѣ различныхъ законопроэктовъ.

Чтобы не прерывать въ дальнѣйшемъ изложеніи біографіи Д. А. описаніе его чисто земской дѣятельности, необходимо сгруппировать предварительно здѣсь все то, что касается внѣземской дѣятельности Д. А., а

затѣмъ уже сосредоточиться на томъ, что составляло основное содержаніе его жизни.

Какъ уже отмѣчено—въ 1860 г. Д. А. вступилъ въ члены Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Въ февралѣ 1863 г. онъ былъ избранъ секретаремъ Общества, а въ февралѣ 1866 г. членомъ Совѣта Общества, такъ что и по избранію его предсѣдателемъ Губернской Земской Управы продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества, присутствовалъ въ засѣданіяхъ послѣдняго и принималъ нерѣдко горячее участіе въ преніяхъ—не столько, однако, по вопросамъ агрономическаго характера, сколько экономическаго и, притомъ, тѣсно связаннымъ съ тѣми или иными условіями, главнымъ образомъ, крестьянскаго хозяйства. Въ апрѣлѣ 1883 г. Д. А. былъ избранъ Вице-Президентомъ Общества. Это избраніе повторилось и въ слѣдующія трехлѣтія, такъ что обязанности Вице-Президента исполнялись Д. А. въ теченіе 2-хъ полныхъ трехлѣтій. Послѣ же избранія его на 3-е трехлѣтіе въ мартѣ 1890 г., онъ въ ноябрѣ того же года сложилъ съ себя это званіе, продолжая оставаться членомъ общества.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что въ своемъ имѣніи Д. А. не велъ почти никакого хозяйства, такъ что участіе его въ дѣлахъ общества сельскаго хозяйства объясняется всецѣло интересомъ къ общественному дѣлу и притомъ и здѣсь сказалось его сознаніе о значеніи въ русскомъ обществѣ всякаго рода просвѣтительной дѣятельности. Ставъ въ самыя дружескія отношенія съ директоромъ Земледѣльческаго училища Общества С. С. Коссовичемъ, Д. А. принималъ самое дѣятельное участіе въ жизни этого училища. Слѣдя внимательно за ходомъ преподаванія въ немъ, онъ зналъ лично каждаго изъ учащихся и пользовался общимъ расположеніемъ какъ учительскаго персонала, такъ и учащихся. Это расположеніе къ Д. А. со стороны участниковъ училища, выразилось между прочимъ при празднованіи юбилея Д. А. 6 октября 1890 г. Въ адресѣ поднесенномъ ему отъ земледѣльческой школы говорится, что онъ былъ „истиннымъ другомъ школы“ и отмѣчается его „душевное отношеніе къ учащимся“.

Конечно—это говорится въ юбилейномъ адресѣ, а относительно юбилейныхъ поздравленій и адресовъ существуетъ такое мнѣніе, что въ нихъ много фальши и преувеличенія и потому можетъ явиться вопросъ: насколько правильно и цѣлесообразно пользоваться въ біографіи того или другого лица тѣмъ отзывами о немъ, которыя значатся въ юбилейныхъ подношеніяхъ. Такъ какъ въ дальнѣйшемъ придется неоднократно ссылаться на тѣ характеристики личности и дѣятельности Д. А., которыя выразились въ юбилейныхъ адресахъ, то необходимо здѣсь же опредѣлить точку зрѣнія на этотъ матеріалъ.

Нельзя, конечно, отрицать того, что юбилеи носятъ нерѣдко слишкомъ оффиціальный характеръ, при чемъ и выраженіе привѣтствій юбиляру можетъ отличаться также чертами оффиціальности въ предѣлахъ, ограничивающихъ или исключающихъ проявленіе искренняго отношенія.

Въ данномъ случаѣ, какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго, юбилей Д. А. вовсе не носилъ такого характера, и все относящееся къ юбиляру, служило выраженіемъ искренняго и широкаго общественнаго сочувствія къ такому земскому дѣятелю какъ Д. А. Конечно и при этомъ все высказываемое въ адресахъ можетъ быть выраженіемъ, такъ сказать, приподнятаго чувства. Но то что лежитъ въ основѣ этого приподнятаго чувства вполнѣ искренне и можетъ быть навѣяно только той суммой впечатлѣній, которыя получены отъ даннаго лица и которымъ въ адресѣ лишь подводится итогъ. Само собою разумѣется, при подведеніи такого итога выдвигаются только положительныя стороны дѣятельности даннаго лица и умалчивается объ отрицательныхъ. Но положительныя то стороны отмѣчаются именно тѣ, которыя проявились. При такихъ условіяхъ матеріалъ, заключающійся въ юбилейныхъ привѣтствіяхъ, является очень цѣннымъ для провѣрки и опредѣленія того значенія, которое имѣетъ дѣятельность даннаго лица, вотъ почему и въ послѣдующемъ придется не разъ обращаться къ тому, что выражено было въ адресахъ, поднесенныхъ Д. А. 6 октября 1890 года.

При выясненіи отношенія Д. А. къ земледѣльческой школѣ—тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе ссылка на привѣтствія, исходившія оттуда, что какъ общій адресъ отъ школы, такъ и другія привѣтствія, исходившія оттуда (отъ надзирателя, отъ кончившаго курсъ ученика) поднесены въ то время, когда Д. А. не имѣлъ уже прямого отношенія къ школѣ.

Въ качествѣ члена Совѣта Общества Сельскаго Хозяйства Д. А. въ 1871 и 1872 г. усердно трудился надъ организаціей сельскохозяйственнаго отдѣла Политехнической выставки. Отдѣлъ этотъ, благодаря, главнымъ образомъ, заботамъ Д. А. отличался полнотою собранныхъ коллекцій и строго систематическимъ ихъ расположеніемъ. Коллекціи эти поступили затѣмъ въ сельскохозяйственный отдѣлъ музея прикладныхъ знаній; директоромъ этого отдѣла былъ назначенъ Д. А., такъ что этотъ отдѣлъ былъ созданъ трудами Д. А., что и отмѣчается въ адресѣ, поднесенномъ ему въ день его юбилея отъ музея прикладныхъ знаній. Труды Д. А. по устройству сельскохозяйственнаго отдѣла на выставкѣ обратили на себя вниманіе Великаго Князя Константина Николаевича, бывшаго Почетнымъ Предсѣдателемъ Комитета Музея. Послѣ смерти Г. Е. Щуровскаго, бывшаго товарищемъ Почетнаго Предсѣдателя Музея, Д. А. въ 1884 г. занялъ, по указанію В. К. Константина Николаевича, должность товарища Почетнаго Предсѣдателя. Въ этой должности онъ много содѣйствовалъ не только благоустройству музея, но и развитію его дѣятельности. Его же непосредственному участію обязано и расширеніе зданій музея, давшее новыя средства для выполненія задачъ музея. Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, проявлялось со стороны Д. А. сознаніе значенія для русскаго общества просвѣтительныхъ учрежденій и стремленіе содѣйствовать проникновенію просвѣщенія въ массы населенія всѣми доступными

для того способами. По иниціативѣ Д. А., между прочимъ, были учреждены воскресныя чтенія отъ музея. Онъ же задумалъ и подготовлялъ устройство въ музеѣ отдѣла кустарныхъ издѣлій. И надо полагать, что музей прикладныхъ знаній въ своемъ адресѣ по случаю юбилея Д. А. имѣлъ достаточныя основанія характеризовать его какъ „неутомимаго и безкорыстнаго труженника, отличающагося искреннимъ уваженіемъ къ наукѣ, къ образованію и къ распространенію знаній и просвѣщенія въ русскомъ обществѣ". Внѣшнимъ выраженіемъ признанія заслугъ Д. А. со стороны Комитета музея было постановленіе: поставить въ помѣщеніи музея мраморный бюстъ Д. А. Сверхъ того Д. А. былъ поднесенъ брилліантовый жетонъ и альбомъ съ фотографіями его сотрудниковъ по музею.

Таже черта—стремленіе къ распространенію просвѣщенія, характеризуются, помимо земской дѣятельности. Д. А., и его участіемъ въ различныхъ обществахъ, имѣвшихъ просвѣтительныя задачи, а равнымъ образомъ и проявленіемъ этого же стремленія въ дѣятельности его въ различныхъ учрежденіяхъ; она отмѣчается во многихъ характеристикахъ, имѣвшихъ мѣсто по случаю юбилея Д. А. Такъ, Общество распространенія техническихъ знаній въ своемъ адресѣ, обращаясь къ Д. А., между прочимъ говоритъ: „Всегда и вездѣ Вамъ было дорого все, что служило къ развитію общественной жизни, особенно къ поднятію просвѣщенія и благосостоянія массъ". Учебный Отдѣлъ того же Общества отмѣчаетъ въ дѣятельности Д. А. „постоянную заботу о развитіи народнаго просвѣщенія". Совѣтъ Московскаго Лѣсного Общества указываетъ на „старанія Д. А. распространить среди мѣстнаго населенія полезныя свѣдѣнія по лѣсному дѣлу", что и выразилось, между прочимъ, въ дѣятельности, проявленной Д. А. при устройствѣ лѣсной выставки въ 1885 г.

То сходство въ характеристикѣ Д. А. какъ человѣка стремящагося къ распространенію просвѣщенія, сходство, которое проявляется здѣсь въ выраженіи привѣтствій со стороны различныхъ учрежденій и обществъ и притомъ привѣтствій, направленныхъ не къ педагогу, самая профессія котораго указываетъ на задачу его дѣятельности,—свидѣтельствуетъ съ несомнѣнной очевидностью, что эта черта въ дѣятельности Д. А. наиболѣе рельефно проявлялась повсюду и поневолѣ замѣчалась всѣми, приходившими съ нимъ въ соприкосновеніе, хотя Д. А. никогда почти не высказывалъ открыто своихъ взглядовъ о значеніи просвѣщенія. Но именно то обстоятельство, что Д. А. не говорилъ объ этомъ, но дѣлалъ то, что вело къ распространенію просвѣщенія, служитъ наиболѣе вѣскимъ доказательствомъ, насколько глубоко былъ убѣжденъ въ этомъ Д. А., насколько органически убѣжденіе это слилось съ его натурой: доказывать необходимость просвѣщенія для него было равносильно тому, какъ если бы кто сталъ говорить о необходимости человѣку пить, ѣсть и т. п.

При этомъ, однако, Д. А. въ своей просвѣтительной дѣятельности не замыкался въ узкой сферѣ какого либо одного изъ патентованныхъ

средствъ. Широта его взгляда въ этомъ отношеніи и признаніе значенія за всѣмъ, что служитъ проводникомъ новыхъ свѣдѣній въ массу населенія, характеризуется, между прочимъ, тѣмъ, что онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ различныхъ выставокъ; послѣднія наглядно знакомятъ самыя широкія массы населенія съ результатами человѣческой дѣятельности, человѣческаго знанія и помогаютъ проникновенію въ массу новыхъ свѣдѣній, обогащая умъ посѣтителей выставки новыми просвѣтительными впечатлѣніями, имѣющими въ тоже время не отвлеченное значеніе; они могутъ отражаться прямо непосредственными практическими воздѣйствіями на жизнь. Это отмѣчаетъ, какъ указано выше, въ своемъ привѣтствіи лѣсное общество, въ устройствѣ которымъ выставки въ 1885 г., Д. А. принималъ дѣятельное участіе. Заботы его по устройству политехнической выставки также отмѣчены раньше; продолженіемъ этой выставки служилъ Политехническій музей, представляющій собою уже постоянную выставку; Д. А. былъ въ немъ постояннымъ работникомъ. О дѣятельности его по устройству кустарнаго отдѣла на Всероссійской выставкѣ 1882 г. придется говорить ниже. Совѣтъ Императорскаго русскаго Общества Акклиматизаціи животныхъ и растеній благодаритъ его за участіе въ устройствѣ выставки 1878—79 г.г. Императорское Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, также считаетъ нужнымъ отмѣтить дѣятельность Д. А. по устройству Политехнической и антропологической (1878—79 г.) выставокъ. Имѣя все это въ виду, нельзя не придти къ заключенію, что за время дѣятельности Д. А. не было почти ни одной выставки въ Москвѣ, въ организаціи которой онъ не принималъ бы самаго живого участія. При этомъ Д. А. всегда придавалъ большое значеніе тѣмъ объясненіемъ экспонатовъ, которыя даются на выставкахъ, что также служитъ проведенію въ массу многихъ новыхъ свѣдѣній и вызываетъ интересъ къ знанію. Если вспомнить приведенныя выше характеристики просвѣтительной дѣятельности Д. А. и сопоставить это съ тѣмъ небольшимъ количествомъ времени, которое у него оставалось отъ земской дѣятельности, то такое живое участіе Д. А. въ устройствѣ различныхъ выставокъ можно объяснить только тѣмъ, что онъ признавалъ за ними большое просвѣтительное значеніе. Это даетъ такимъ образомъ, еще новую черту къ характеристикѣ его личности и дѣятельности.

III.

Сказанное до сихъ поръ относится къ общественной дѣятельности Д. А. внѣ земской сферы. Но и этой общественной дѣятельностью не ограничивалось проявленіе личности Д. А. Разносторонность его дѣятельности, опытность въ земскомъ дѣлѣ и при томъ, при той широкой постановкѣ послѣдняго, которая характеризовала дѣятельность Московскаго Губернскаго земства, охватывавшую такъ много различныхъ сторонъ

затѣмъ уже сосредоточиться на томъ, что составляло основное содержаніе его жизни.

Какъ уже отмѣчено—въ 1860 г. Д. А. вступилъ въ члены Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Въ февралѣ 1863 г. онъ былъ избранъ секретаремъ Общества, а въ февралѣ 1866 г. членомъ Совѣта Общества, такъ что и по избранію его предсѣдателемъ Губернской Земской Управы продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества, присутствовалъ въ засѣданіяхъ послѣдняго и принималъ нерѣдко горячее участіе въ преніяхъ—не столько, однако, по вопросамъ агрономическаго характера, сколько экономическаго и, притомъ, тѣсно связаннымъ съ тѣми или иными условіями, главнымъ образомъ, крестьянскаго хозяйства. Въ апрѣлѣ 1883 г. Д. А. былъ избранъ Вице-Президентомъ Общества. Это избраніе повторилось и въ слѣдующія трехлѣтія, такъ что обязанности Вице-Президента исполнялись Д. А. въ теченіе 2-хъ полныхъ трехлѣтій. Послѣ же избранія его на 3-е трехлѣтіе въ мартѣ 1890 г., онъ въ ноябрѣ того же года сложилъ съ себя это званіе, продолжая оставаться членомъ общества.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что въ своемъ имѣніи Д. А. не велъ почти никакого хозяйства, такъ что участіе его въ дѣлахъ общества сельскаго хозяйства объясняется всецѣло интересомъ къ общественному дѣлу и притомъ и здѣсь сказалось его сознаніе о значеніи въ русскомъ обществѣ всякаго рода просвѣтительной дѣятельности. Ставъ въ самыя дружескія отношенія съ директоромъ Земледѣльческаго училища Общества С. С. Коссовичемъ, Д. А. принималъ самое дѣятельное участіе въ жизни этого училища. Слѣдя внимательно за ходомъ преподаванія въ немъ, онъ зналъ лично каждаго изъ учащихся и пользовался общимъ расположеніемъ какъ учительскаго персонала, такъ и учащихся. Это расположеніе къ Д. А. со стороны участниковъ училища, выразилось между прочимъ при празднованіи юбилея Д. А. 6 октября 1890 г. Въ адресѣ поднесенномъ ему отъ земледѣльческой школы говорится, что онъ былъ „истиннымъ другомъ школы“ и отмѣчается его „душевное отношеніе къ учащимся“.

Конечно—это говорится въ юбилейномъ адресѣ, а относительно юбилейныхъ поздравленій и адресовъ существуетъ такое мнѣніе, что въ нихъ много фальши и преувеличенія и потому можетъ явиться вопросъ: насколько правильно и цѣлесообразно пользоваться въ біографіи того или другого лица тѣмъ отзывами о немъ, которыя значатся въ юбилейныхъ подношеніяхъ. Такъ какъ въ дальнѣйшемъ придется неоднократно ссылаться на тѣ характеристики личности и дѣятельности Д. А., которыя выразились въ юбилейныхъ адресахъ, то необходимо здѣсь же опредѣлить точку зрѣнія на этотъ матеріалъ.

Нельзя, конечно, отрицать того, что юбилеи носятъ нерѣдко слишкомъ оффиціальный характеръ, при чемъ и выраженіе привѣтствій юбиляру можетъ отличаться также чертами оффиціальности въ предѣлахъ, ограничивающихъ или исключающихъ проявленіе искренняго отношенія.

Въ половинѣ марта, 1892 г. Д. А. съ Высочайшаго соизволенія приглашенъ былъ г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ къ участію въ коммиссіи для разсмотрѣнія проекта положенія о ссудахъ на сельскохозяйственныя улучшенія.

Во всѣ эти засѣданія и коммиссіи Д. А. являлся съ богатымъ запасомъ данныхъ о хозяйственномъ положеніи отдѣльныхъ мѣстностей Московской губерніи, собранныхъ статистическимъ отдѣленіемъ при Московской губернской земской управѣ, а также съ тѣмъ запасомъ свѣдѣній, который данъ былъ ему его опытомъ за время его продолжительной и вдумчивой земской дѣятельности.

На этомъ можно закончить то, что касалось внѣ земской дѣятельности Д. А. и въ послѣдующемъ ограничиться исключительно біографіей Д. А. какъ земскаго дѣятеля.

То, что было приведено выше о жизни Д. А. до вступленія его на поприщѣ земской дѣятельности, позволяетъ разсматривать этотъ до земскій періодъ, сравнительно короткій, какъ подготовительный во многихъ отношеніяхъ къ той общественной дѣятельности, которая составляла главное содержаніе послѣдующей жизни Д. А. Университетъ того времени и то теоретическое изученіе права, которому онъ посвятилъ первые годы своей послѣ университетской жизни—дали ему широкое общее и спеціальное юридическое образованіе. Въ тоже время теоретическое изученіе права выяснило, надо полагать, самому Д. А., что натура его влечетъ не столько къ кабинетной дѣятельности ученаго, сколько къ болѣе живой практической дѣятельности и вотъ мы видимъ его переходящимъ отъ одного рода службы къ другому, при чемъ онъ знакомится и съ условіями бюрократической дѣятельности. Знакомство съ этимъ съ одной стороны должно было повліять на отношеніе Д. А. къ государственной службѣ того времени, а съ другой стороны дать ему то знаніе хода административной машины, которое ему какъ земскому дѣятелю, постоянно приходившему въ соприкосновеніе съ администраціей, было столь полезно. Въ тоже время неоднократная перемѣна рода службы, и притомъ не всегда вполнѣ добровольно, свидѣтельствуетъ что Д. А. по натурѣ своей и по отношенію къ служебнымъ обязанностямъ не былъ изъ числа тѣхъ лицъ, которые совершаютъ свое служебное поприще вполнѣ гладко. При вполнѣ сознательномъ, строгомъ и чуткомъ чувствѣ законности, не позволявшемъ Д. А. отступать отъ чего либо установленнаго законами, Д. А. въ тоже время былъ изъ числа тѣхъ самобытныхъ личностей, которыя не подходили подъ общеустановленную рамку; не допускалъ онъ также и какихъ либо отступленій въ сторону того, что не согласовалось съ его убѣжденіями; при такихъ условіяхъ, очевидно, онъ долженъ былъ постоянно, такъ сказать, выдвигаться изъ тѣхъ рамокъ, которыми опредѣлялась административная дѣятельность дореформеннаго періода. Она не давала ему простора для проявленія его личности и въ

Московская Губернская Земская Управа, избранная въ 1-ю сессію Губернскаго Собранія, въ засѣданіи 6-го Октября 1865 года.

А. А. Ильинъ. И. И. Мусинъ-Пушкинъ. Д. А. Наумовъ. П. А. Васильчиковъ. Н. М. Щепкинъ. Гр. А. В. Бобринскій. Г. Н. Львовъ.

Фотогр. К. А. Фишеръ, Москва.

тоже время личность его въ разныхъ отношеніяхъ не отвѣчала служебнымъ требованіямъ того времени. Отсюда и проистекали то вольныя, то невольныя перемѣны рода дѣятельности. Но это же обогащало его опытомъ и знакомствомъ съ разными сторонами мѣстнаго управленія того времени и могло служить къ тому, что еще до открытія земскихъ учрежденій Д. А. уже уяснилъ себѣ, какое значеніе должно имѣть проявленіе мѣстной инициативы, которое одно даетъ прямое выраженіе назрѣвшимъ общественнымъ потребностямъ и указываетъ пути правильнаго ихъ удовлетворенія. Этимъ, можетъ быть, объясняется и такъ ярко выдѣляющаяся черта въ его дѣятельности: онъ былъ горячимъ противникомъ всякихъ мѣръ, которыя не вызывались рельефно выраженной потребностью. Но разъ та или иная потребность проявлялась настойчиво, Д. А. неуклонно шелъ навстрѣчу ей; отсюда, между прочимъ, и вытекаетъ такое широкое участіе Московскаго Губернскаго Земства въ проявившихся уже начинаніяхъ уѣздныхъ земствъ.

IV.

Земская дѣятельность Д. А. началась со вступленіемъ его въ качествѣ губернскаго гласнаго отъ г. Москвы въ составъ перваго въ Московской губерніи губернскаго земскаго Собранія. Большинству членовъ собранія Д. А. былъ уже хорошо извѣстенъ, что—видно изъ того, что онъ былъ намѣченъ въ числѣ шести лицъ, предложенныхъ по запискамъ на должность секретаря собранія. По баллотировкѣ онъ избранъ въ секретари 66 голосами противъ 5-ти. Журналы собранія велись Д. А. съ тщательностію и полнотою, не уступающими стенографической записи, но какого труда это ему стоило—о томъ самъ Д. А. заявлялъ въ собраніи уже нѣсколько лѣтъ спустя, объясняя, что двѣ недѣли своего секретарства ему пришлось проводить почти безъ сна. Составленныя Д. А. журналы собранія считаются до сихъ поръ образцами журналовъ, о чемъ неоднократно заявлялось въ собраніи нѣкоторыми гласными еще въ послѣдніе годы.

Какъ уже упомянуто, 6 октября 1865 года Д. А. былъ избранъ на должность предсѣдателя губернской земской управы. Въ томъ же засѣданіи въ члены управы избраны были: графъ А. В. Бобринскій, И. И. Мусинъ-Пушкинъ, П. А. Васильчиковъ, Г. Н. Львовъ, А. А. Ильинъ и Н. М. Щепкинъ, въ слѣдующемъ же году выбывшій изъ состава управы. Наиболѣе сблизился Д. А. съ П. А. Васильчиковымъ, И. И. Мусинымъ-Пушкинымъ и гр. А. В. Бобринскимъ.

Земская служба открывала Д. А. обширное поприще для примѣненія тѣхъ теоретическихъ и практическихъ знаній, которыя были имъ пріобрѣтены ранѣе. Широкое общее образованіе, основательная юридическая подготовка, участіе въ разработкѣ вопросовъ экономическихъ и сельскохозяйственныхъ, близкое знакомство съ школьнымъ дѣломъ и

Въ половинѣ марта, 1892 г. Д. А. съ Высочайшаго соизволенія приглашенъ былъ г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ къ участію въ коммиссіи для разсмотрѣнія проекта положенія о ссудахъ на сельскохозяйственныя улучшенія.

Во всѣ эти засѣданія и коммиссіи Д. А. являлся съ богатымъ запасомъ данныхъ о хозяйственномъ положеніи отдѣльныхъ мѣстностей Московской губерніи, собранныхъ статистическимъ отдѣленіемъ при Московской губернской земской управѣ, а также съ тѣмъ запасомъ свѣдѣній, который данъ былъ ему его опытомъ за время его продолжительной и вдумчивой земской дѣятельности.

На этомъ можно закончить то, что касалось внѣ земской дѣятельности Д. А. и въ послѣдующемъ ограничиться исключительно біографіей Д. А. какъ земскаго дѣятеля.

То, что было приведено выше о жизни Д. А. до вступленія его на поприщѣ земской дѣятельности, позволяетъ разсматривать этотъ до земскій періодъ, сравнительно короткій, какъ подготовительный во многихъ отношеніяхъ къ той общественной дѣятельности, которая составляла главное содержаніе послѣдующей жизни Д. А. Университетъ того времени и то теоретическое изученіе права, которому онъ посвятилъ первые годы своей послѣ университетской жизни—дали ему широкое общее и спеціальное юридическое образованіе. Въ тоже время теоретическое изученіе права выяснило, надо полагать, самому Д. А., что натура его влечетъ не столько къ кабинетной дѣятельности ученаго, сколько къ болѣе живой практической дѣятельности и вотъ мы видимъ его переходящимъ отъ одного рода службы къ другому, при чемъ онъ знакомится и съ условіями бюрократической дѣятельности. Знакомство съ этимъ съ одной стороны должно было повліять на отношеніе Д. А. къ государственной службѣ того времени, а съ другой стороны дать ему то знаніе хода административной машины, которое ему какъ земскому дѣятелю, постоянно приходившему въ соприкосновеніе съ администраціей, было столь полезно. Въ тоже время неоднократная перемѣна рода службы, и притомъ не всегда вполнѣ добровольно, свидѣтельствуетъ что Д. А. по натурѣ своей и по отношенію къ служебнымъ обязанностямъ не былъ изъ числа тѣхъ лицъ, которые совершаютъ свое служебное поприще вполнѣ гладко. При вполнѣ сознательномъ, строгомъ и чуткомъ чувствѣ законности, не позволявшемъ Д. А. отступать отъ чего либо установленнаго законами, Д. А. въ тоже время былъ изъ числа тѣхъ самобытныхъ личностей, которыя не подходили подъ общеустановленную рамку; не допускалъ онъ также и какихъ либо отступленій въ сторону того, что не согласовалось съ его убѣжденіями; при такихъ условіяхъ, очевидно, онъ долженъ былъ постоянно, такъ сказать, выдвигаться изъ тѣхъ рамокъ, которыми опредѣлялась административная дѣятельность дореформеннаго періода. Она не давала ему простора для проявленія его личности и въ

Московская Губернская Земская Управа, избранная въ 1-ю сессію Губернскаго Собранія, въ засѣданіи 6-го Октября 1865 года.

Фотогр. К. А. Фишеръ, Москва.

А. А. Ильинъ. Д. Д. Наумовъ. Н. М. Щепкинъ.
И. И. Мусинъ-Пушкинъ. П. А. Васильчиковъ. Гр. А. В. Бобринскій. Г. Н. Львовъ.

тоже время личность его въ разныхъ отношеніяхъ не отвѣчала служебнымъ требованіямъ того времени. Отсюда и проистекали то вольныя, то невольныя перемѣны рода дѣятельности. Но это же обогащало его опытомъ и знакомствомъ съ разными сторонами мѣстнаго управленія того времени и могло служить къ тому, что еще до открытія земскихъ учрежденій Д. А. уже уяснилъ себѣ, какое значеніе должно имѣть проявленіе мѣстной иниціативы, которое одно даетъ прямое выраженіе назрѣвшимъ общественнымъ потребностямъ и указываетъ пути правильнаго ихъ удовлетворенія. Этимъ, можетъ быть, объясняется и такъ ярко выдѣляющаяся черта въ его дѣятельности: онъ былъ горячимъ противникомъ всякихъ мѣръ, которыя не вызывались рельефно выраженной потребностью. Но разъ та или иная потребность проявлялась настойчиво, Д. А. неуклонно шелъ навстрѣчу ей; отсюда, между прочимъ, и вытекаетъ такое широкое участіе Московскаго Губернскаго Земства въ проявившихся уже начинаніяхъ уѣздныхъ земствъ.

IV.

Земская дѣятельность Д. А. началась со вступленіемъ его въ качествѣ губернскаго гласнаго отъ г. Москвы въ составъ перваго въ Московской губерніи губернскаго земскаго Собранія. Большинству членовъ собранія Д. А. былъ уже хорошо извѣстенъ, что—видно изъ того, что онъ былъ намѣченъ въ числѣ шести лицъ, предложенныхъ по запискамъ на должность секретаря собранія. По баллотировкѣ онъ избранъ въ секретари 66 голосами противъ 5-ти. Журналы собранія велись Д. А. съ тщательностію и полнотою, не уступающими стенографической записи, но какого труда это ему стоило—о томъ самъ Д. А. заявлялъ въ собраніи уже нѣсколько лѣтъ спустя, объясняя, что двѣ недѣли своего секретарства ему пришлось проводить почти безъ сна. Составленныя Д. А. журналы собранія считаются до сихъ поръ образцами журналовъ, о чемъ неоднократно заявлялось въ собраніи нѣкоторыми гласными еще въ послѣдніе годы.

Какъ уже упомянуто, 6 октября 1865 года Д. А. былъ избранъ на должность предсѣдателя губернской земской управы. Въ томъ же засѣданіи въ члены управы избраны были: графъ А. В. Бобринскій, И. И. Мусинъ-Пушкинъ, П. А. Васильчиковъ, Г. Н. Львовъ, А. А. Ильинъ и Н. М. Щепкинъ, въ слѣдующемъ же году выбывшій изъ состава управы. Наиболѣе сблизился Д. А. съ П. А. Васильчиковымъ, И. И. Мусинымъ-Пушкинымъ и гр. А. В. Бобринскимъ.

Земская служба открывала Д. А. обширное поприще для примѣненія тѣхъ теоретическихъ и практическихъ знаній, которыя были имъ пріобрѣтены ранѣе. Широкое общее образованіе, основательная юридическая подготовка, участіе въ разработкѣ вопросовъ экономическихъ и сельскохозяйственныхъ, близкое знакомство съ школьнымъ дѣломъ и

расходуетъ земскія суммы, но и въ тѣхъ выгодахъ, которыя земство извлекло изъ разсчетливаго помѣщенія управою земскихъ капиталовъ; 2) что, кромѣ того, управа сберегла земству до 12,000 р. изъ тѣхъ суммъ, которыя были ассигнованы собраніемъ на жалованье ея членамъ" (вслѣдствіе того, что члены П. А. Васильчиковъ, гр. А. В. Бобринскій и И. И. Мусинъ-Пушкинъ, оставляли въ кассѣ управы, причитавшееся имъ жалованье); 3) что не представляется никакого повода предполагать со стороны управы какого либо упущенія, въ отношеніи храненія земскихъ суммъ я предложилъ бы собранію постановить: убытокъ, причиненный земству похищеніемъ 14,600 р., покрыть изъ остатковъ земскаго сбора". Черезъ нѣкоторое время послѣ того, какъ состоялось это постановленіе, похититель былъ разысканъ, не успѣвъ сдѣлать большихъ затратъ, и убытокъ, понесенный земствомъ, ограничился незначительной, сравнительно суммой.

V.

Та бережливость, о которой говорится, какъ въ адресѣ Клинскаго земства, такъ и въ постановленіи губернскаго несомнѣнно стояла въ связи съ личными качествами Д. А., но въ тоже время была плодомъ сознательно бережнаго отношенія къ средствамъ земства, къ интересамъ населенія, что вызывало постоянное стремленіе расходовать каждую земскую копейку только на ясно выраженную потребность. Это же обусловливало собою и предварительное строгое изученіе всѣхъ условій данной потребности, чтобы расходовать средства наиболѣе производительнымъ образомъ. Но за то, когда потребность была выяснена, способы удовлетворенія ея опредѣлены, Д. А. твердо и неуклонно шелъ на встрѣчу удовлетворенія ея, расходуя средства въ тѣхъ предѣлахъ, которыя вызывались размѣромъ потребности.

Ни въ какой отрасли земскаго хозяйства это не проявилось, можетъ быть настолько рельефно, какъ въ дорожномъ дѣлѣ. Извѣстно, что расходы Московскаго Губернскаго Земства на дорожное дѣло составляютъ одну изъ самыхъ крупныхъ статей земскаго бюджета. Вызывается это главнымъ образомъ тѣми значительными затратами, которыхъ требуетъ устройство и содержаніе шоссейныхъ дорогъ.

Между тѣмъ при открытіи земскихъ учрежденій въ распоряженіе Московскаго земства поступили почти однѣ грунтовыя дороги со всѣми присущими имъ неудобствами въ отношеніи проѣзда. Шоссированныя дороги, за весьма незначительными исключеніями остались въ вѣдѣніи Министерства Путей Сообщенія. При такихъ условіяхъ и при незначительности бывшихъ въ то время въ распоряженіи земства средствъ, оставалось повидимому избрать тотъ путь улучшенія дорогъ, котораго держались и многія другія земства, а именно затрачивать ежегодно сравнительно небольшую сумму на улучшеніе грунтовыхъ дорогъ. Но, сознавая

непроизводительность такой затраты, Д. А. проявилъ свое бережное отношеніе къ земскимъ средствамъ тѣмъ, что осторожно и постепенно приступая къ изысканію средствъ на проведеніе шоссейныхъ путей, сразу сталъ на ту точку зрѣнія, что улучшеніе путей сообщенія возможно лишь путемъ постепеннаго шоссированія дорогъ и настойчиво проводилъ это мнѣніе въ собраніи.

Здѣсь, какъ и въ другихъ отрасляхъ земской дѣятельности Д. А. держался того мнѣнія, что не слѣдуетъ сразу задаваться слишкомъ широкими задачами, а нужно вести дѣло улучшенія дорогъ постепенно, по опредѣленному плану и соображаясь со средствами, какими можетъ располагать земство на это дѣло. Такой взглядъ на дѣло имѣлъ особое значеніе въ первое время открытія земскихъ учрежденій, когда земство подъ вліяніемъ раздававшихся со всѣхъ сторонъ заявленій о непроѣздности дорогъ склонно было къ экстреннымъ мѣрамъ для улучшенія дорогъ. Результатомъ этой склонности было постановленіе собранія сессій 1868 г. о крупномъ займѣ для улучшенія дорогъ. Д. А., бывшій вообще принципіальнымъ противникомъ займовъ, тѣмъ болѣе долженъ былъ опасаться этого на первыхъ порахъ дѣятельности земства, когда еще не выработанъ былъ опредѣленный планъ хозяйства, да и въ дорожномъ дѣлѣ у земства еще не было опыта, который бы гарантировалъ производительное употребленіе займа. Однако, обстоятельства, при которыхъ сдѣлано было въ собраніи предложеніе о займѣ, не благопріятствовали тому, чтобы собраніе могло отнестись сочувственно къ возраженію противъ займа. Д. А., всегда чутко относившійся къ настроенію собранія и считавшійся съ нимъ въ интересахъ дѣла, не возражалъ поэтому, и здѣсь противъ займа и подчиняясь постановленію собранія, разработывалъ совмѣстно съ избранной собраніемъ коммиссіей условія займа.

Но въ тоже время, сознавая рискованность займа, Д. А. старался изыскать иные способы для полученія средствъ на улучшеніе дорогъ. По его иниціативѣ земствомъ возбуждены были въ то время ходатайства о принятіи на счетъ казны устройства подъѣздныхъ шоссированныхъ путей къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ отъ уѣздныхъ городовъ, оставшихся въ сторонѣ при проведеніи означенныхъ желѣзныхъ дорогъ и о передачѣ земству 32-хъ копѣечнаго сбора, существовавшаго въ Московской губерніи ранѣе открытія земскихъ учрежденій, спеціально на улучшеніе дорогъ въ губерніи. Ходатайства эти не получили удовлетворенія, но эти неудачи не ослабили энергіи Д. А. ибо вслѣдъ за этимъ онъ представилъ собранію соображенія и расчеты о томъ, что земство могло бы найти нужныя ему средства, если бы приняло въ свое завѣдываніе казенныя шоссе въ губерніи для ремонтнаго ихъ содержанія на счетъ казны съ такимъ условіемъ, чтобы всѣ сбереженія въ средствахъ, расходуемыхъ казною на содержаніе этихъ шоссе и шоссейный сборъ, взимаемый съ проѣзжающихъ по этимъ шоссе, земство могло бы употреблять на улучшеніе своихъ собственныхъ

дорогъ, почему и предложилъ Собранію вобудить по этому предмету ходатайство. Въ правительственныхъ сферахъ это ходатайство земства встрѣчено было весьма сочувственно и въ скоромъ времени вопросъ этотъ, какъ извѣстно, разрѣшенъ былъ въ желаемомъ для земства смыслѣ. Такимъ образомъ найденъ былъ новый источникъ средствъ на улучшеніе земскихъ дорогъ и вопросъ о займѣ отпалъ самъ собой. Хотя разсчеты земства въ этомъ предпріятіи въ первое время и неоправдались вполнѣ, такъ какъ казенныя шоссе оказались крайне запущенными и приведеніе ихъ въ должный порядокъ отвлекло часть средствъ, на которыя разсчитывало земство, но тѣмъ не менѣе остатки отъ операціи по завѣдываніи казенными шоссе и до сего времени служатъ источникомъ средствъ для улучшенія земскихъ дорогъ въ губерніи. Какъ первоначальная иниціатива этого дѣла, такъ и детальная разработка его принадлежитъ всецѣло Д. А., который во время предварительныхъ соглашеній съ М-вомъ Путей Сообщенія велъ лично всѣ переговоры и всю переписку по этому дѣлу: даже отпуски бумагъ въ дѣлѣ всѣ написаны рукою Д. А. Заслуга Д. А, въ этомъ дѣлѣ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что Московское земство послужило въ немъ примѣромъ для другихъ земствъ; тотчасъ же за Московскимъ земствомъ соглашеніе о принятіи казенныхъ шоссе достигнуто земствомъ Тульской губерніи, затѣмъ къ тому же приступило Калужское земство и т. д.; дѣло это оказалось настолько выгоднымъ и для казны и для земства, что въ настоящее время почти во всѣхъ земскихъ губерніяхъ вопросъ этотъ поставленъ на очередь.

Въ сужденіяхъ по разнымъ вопросамъ земскаго хозяйства Д. А. всегда держался того мнѣнія, которое, независимо отъ мѣстнаго значенія, отвѣчало больше обще-губернскимъ интересамъ; въ сферѣ дорожной этотъ взглядъ Д. А. на дѣло всего лучше выясняется въ сужденіяхъ его по вопросу, всегда вызывавшему въ собраніи безконечные споры, о значеніи того или другого тракта въ губерніи и объ установленіи очереди, въ которой должно совершаться постепенное ихъ шоссированіе. Какъ только всталъ на очередь вопросъ о шоссированіи дорогъ въ губерніи, Д. А. составилъ и проводилъ въ собраніи слѣдующій планъ постепеннаго улучшенія дорогъ: постепенно шоссировать существующія большія дороги, идущія отъ центра къ окраинамъ, выставляя на 1-ую очередь тѣ изъ нихъ, по которымъ совершается наибольшее грузовое движеніе; поясныя дороги, по его мнѣнію, имѣютъ значеніе лишь въ качествѣ питательныхъ вѣтвей отъ уѣздныхъ городовъ и торгово-промышленныхъ пунктовъ въ губерніи къ главнымъ шоссированнымъ трактамъ или къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. Планъ этотъ выбранъ былъ до такой степени удачно, что и въ настоящее время, когда всѣ главнѣйшіе тракты, идущіе отъ центра къ окрайнамъ уже шоссированы, Московское земство дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, шоссируя постепенно промежуточныя дороги второстепеннаго значенія по радіусамъ отъ Москвы.

Эти слова, которыми Д. А. самъ характеризуетъ не только тѣ задачи, которыя поставило себѣ земство съ самаго начала, но и тотъ способъ выполненія ихъ, къ которымъ стремилось оно, опредѣляютъ главнымъ образомъ его личное отношеніе къ дѣлу. Что это дѣйствительно такъ, доказывается между прочимъ и тѣмъ, что спустя 25 лѣтъ послѣ первоначальнаго избранія его въ предсѣдатели управы, Клинское уѣздное земство, прямо отмѣчаетъ „бережливость, осторожность и твердость въ проведеніи земскихъ начинаній, не выходя изъ предѣловъ средствъ", какъ черты, характеризующія отношеніе именно Д. А. къ земской дѣятельности. Подтверждается это и отзывомъ губернскаго земскаго собранія, который имѣлъ мѣсто по слѣдующему инциденту, происшедшему въ 1869 году.

Въ октябрѣ 1869 года изъ желѣзнаго сундука управы, при помощи поддѣланныхъ ключей и отмычекъ, похищены были денежныя бумаги, частію составляющія залогъ одного изъ подрядчиковъ, частію принадлежавшія земскимъ капиталамъ, всего на сумму свыше 20 т. р.; часть похищеннаго, заключавшаяся въ бумагахъ именныхъ, похитителемъ была брошена и на другой день доставлена полиціею въ управу, но стоимость остальныхъ бумагъ все еще составляла 14,600 р. По заявленію управы начато было слѣдствіе.

Хотя похищеніе произведено было при условіяхъ, устраняющихъ всякое предположеніе о какой либо небрежности со стороны управы, и потому не могло быть и рѣчи о какой либо, не только законной, но и нравственной отвѣтственности управы, но Д. А. судилъ иначе: не выжидая результатовъ производившагося слѣдствія, онъ заявилъ остальнымъ членамъ управы, что онъ считаетъ возможнымъ доложить о всемъ происшедшемъ губернскому собранію только по взносѣ въ земскую кассу всей недостающей суммы и, затѣмъ, изъ собственныхъ средствъ вложивъ большую ея часть, предложилъ членамъ разложить между собою взносъ остального, на что они и выразили полное согласіе. „Такъ какъ похищенныя суммы принадлежали частнымъ лицамъ и спеціальнымъ капиталамъ", докладывалъ Д. А. губернскому собранію, въ засѣданіи 4 декабря 1869 г. „то губернская управа полагала, что земство въ этомъ случаѣ не должно терпѣть никакого убытка, а потому, по взаимному соглашенію членовъ, похищенныя бумаги замѣнены новыми. Всѣ суммы приведены въ тотъ же самый видъ, въ какомъ онѣ находились до совершенія похищенія".

Губернское собраніе, съ своей стороны, въ засѣданіи той же сессіи, 22 декабря, приняло слѣдующее предложеніе предсѣдателя собранія: „принимая во вниманіе: 1) что въ теченіе 5-ти лѣтней дѣятельности Московской губернской управы, ревизіонная коммиссія, ежегодно свидѣтельствовала о примѣрной правильности, съ которою управа ведетъ денежную отчетность; что въ теченіе того же періода времени, собраніе вполнѣ убѣдилось, не только въ той разумной бережливости, съ какою управа

расходуетъ земскія суммы, но и въ тѣхъ выгодахъ, которыя земство извлекло изъ разсчетливаго помѣщенія управою земскихъ капиталовъ; 2) что, кромѣ того, управа сберегла земству до 12,000 р. изъ тѣхъ суммъ, которыя были ассигнованы собраніемъ на жалованье ея членамъ" (вслѣдствіе того, что члены П. А. Васильчиковъ, гр. А. В. Бобринскій и И. И. Мусинъ-Пушкинъ, оставляли въ кассѣ управы, причитавшееся имъ жалованье); 3) что не представляется никакого повода предполагать со стороны управы какого либо упущенія, въ отношеніи храненія земскихъ суммъ я предложилъ бы собранію постановить: убытокъ, причиненный земству похищеніемъ 14,600 р., покрыть изъ остатковъ земскаго сбора". Черезъ нѣкоторое время послѣ того, какъ состоялось это постановленіе, похититель былъ разысканъ, не успѣвъ сдѣлать большихъ затратъ, и убытокъ, понесенный земствомъ, ограничился незначительной, сравнительно суммой.

V.

Та бережливость, о которой говорится, какъ въ адресѣ Клинскаго земства, такъ и въ постановленіи губернскаго несомнѣнно стояла въ связи съ личными качествами Д. А., но въ тоже время была плодомъ сознательно бережнаго отношенія къ средствамъ земства, къ интересамъ населенія, что вызывало постоянное стремленіе расходовать каждую земскую копейку только на ясно выраженную потребность. Это же обусловливало собою и предварительное строгое изученіе всѣхъ условій данной потребности, чтобы расходовать средства наиболѣе производительнымъ образомъ. Но за то, когда потребность была выяснена, способы удовлетворенія ея опредѣлены, Д. А. твердо и неуклонно шелъ на встрѣчу удовлетворенія ея, расходуя средства въ тѣхъ предѣлахъ, которыя вызывались размѣромъ потребности.

Ни въ какой отрасли земскаго хозяйства это не проявилось, можетъ быть настолько рельефно, какъ въ дорожномъ дѣлѣ. Извѣстно, что расходы Московскаго Губернскаго Земства на дорожное дѣло составляютъ одну изъ самыхъ крупныхъ статей земскаго бюджета. Вызывается это главнымъ образомъ тѣми значительными затратами, которыхъ требуетъ устройство и содержаніе шоссейныхъ дорогъ.

Между тѣмъ при открытіи земскихъ учрежденій въ распоряженіе Московскаго земства поступили почти однѣ грунтовыя дороги со всѣми присущими имъ неудобствами въ отношеніи проѣзда. Шоссированныя дороги, за весьма незначительными исключеніями остались въ вѣдѣніи Министерства Путей Сообщенія. При такихъ условіяхъ и при незначительности бывшихъ въ то время въ распоряженіи земства средствъ, оставалось повидимому избрать тотъ путь улучшенія дорогъ, котораго держались и многія другія земства, а именно затрачивать ежегодно сравнительно небольшую сумму на улучшеніе грунтовыхъ дорогъ. Но, сознавая

ихъ несогласными съ правильно понятыми началами взаимнаго обязательнаго страхованія. Докладъ комиссіи обсуждался въ засѣданіи 21 марта 1874 г. Нѣкоторыя изъ губернскихъ гласныхъ поддерживали проектъ министерства и находили, что государство всегда можетъ требовать, чтобы частныя лица страховали свои имущества, коль скоро это необходимо въ видахъ государственной пользы, но Д. А. горячо ратовалъ противъ этого взгляда, находя, „что въ такомъ случаѣ страхованіе теряетъ значеніе, которое оно должно имѣть, и изъ страхового дѣла превращается въ въ спеціальный налогъ, назначенный для извѣстной цѣли. Мнѣ кажется, продолжалъ Д. А., что страховое дѣло можетъ стоять прочно только тогда, когда въ немъ устранится обязательность и каждый домовладѣлецъ, вслѣдствіе сознанія выгодности страхованія, добровольно будетъ страховать свое строеніе".

Эти слова даютъ основаніе заключить, что Д. А. смотрѣлъ на обязательное страхованіе, какъ на нѣчто переходное, какъ на такой институтъ, который долженъ исчезнуть вмѣстѣ съ ростомъ культуры и образованія.

Предположить существованіе у Д. А. такого взгляда тѣмъ болѣе справедливо, что онъ соотвѣтствуетъ проявленію дѣятельности Д. А. и по всѣмъ другимъ вопросамъ, что будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Земскій образъ дѣйствій по его мнѣнію и состоялъ именно въ томъ, чтобы не навязывать жизни что либо, а присматриваться къ ея условіямъ, требованіямъ и идти навстрѣчу имъ, отыскивая въ самыхъ условіяхъ жизни средства и способы удовлетворенія создаваемыхъ ею потребностей.

Просвѣщенный деспотизмъ никогда не былъ по душѣ Д. А. Онъ всегда оставался вѣренъ тому положенію, что каждой земской реформѣ должно предшествовать тщательное изученіе интересовъ и желаній населенія. Поэтому и въ земскомъ страхованіи его не могло не тяготить то положеніе, въ которомъ оно находилось до 1886 г. Въ то время у центральнаго страхового управленія не было такого органа на мѣстахъ, который могъ бы выслушивать желанія страхователей, входить въ кругъ ихъ интересовъ, видѣть пробѣлы въ земскихъ мѣропріятіяхъ, слѣдить за тѣмъ, насколько отвѣчаетъ требованіямъ жизни каждое постановленіе собранія, имѣющее въ виду дальнѣйшее развитіе страхового дѣла. Тогдашняя агентура занималась только пріемомъ на добровольный страхъ строеній, получала 10% вознагражденія съ премій и вообще играла такую же роль, какая отведена агентамъ частныхъ обществъ. Благодаря этому, страховое дѣло начинало утрачивать свой жизненный характеръ, проникалось духомъ бюрократическаго формализма и превращалась въ простую бумажную отписку. Что происходило при такомъ порядкѣ вещей, прекрасно изложено въ докладѣ управы о преобразованіи земской страховой агентуры въ Московской губерніи представленномъ собранію въ сессію 1885 г.; „Пропуски въ страховыхъ вѣдомостяхъ не только отдѣльныхъ строеній, но и цѣлыхъ усадебъ, бываютъ такъ часты, говоритъ Управа въ своемъ

дорогъ, почему и предложилъ Собранію вобудить по этому предмету ходатайство. Въ правительственныхъ сферахъ это ходатайство земства встрѣчено было весьма сочувственно и въ скоромъ времени вопросъ этотъ, какъ извѣстно, разрѣшенъ былъ въ желаемомъ для земства смыслѣ. Такимъ образомъ найденъ былъ новый источникъ средствъ на улучшеніе земскихъ дорогъ и вопросъ о займѣ отпалъ самъ собой. Хотя разсчеты земства въ этомъ предпріятіи въ первое время и неоправдались вполнѣ, такъ какъ казенныя шоссе оказались крайне запущенными и приведеніе ихъ въ должный порядокъ отвлекло часть средствъ, на которыя разсчитывало земство, но тѣмъ не менѣе остатки отъ операціи по завѣдываніи казенными шоссе и до сего времени служатъ источникомъ средствъ для улучшенія земскихъ дорогъ въ губерніи. Какъ первоначальная иниціатива этого дѣла, такъ и детальная разработка его принадлежитъ всецѣло Д. А., который во время предварительныхъ соглашеній съ М-вомъ Путей Сообщенія велъ лично всѣ переговоры и всю переписку по этому дѣлу; даже отпуски бумагъ въ дѣлѣ всѣ написаны рукою Д. А. Заслуга Д. А, въ этомъ дѣлѣ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что Московское земство послужило въ немъ примѣромъ для другихъ земствъ; тотчасъ же за Московскимъ земствомъ соглашеніе о принятіи казенныхъ шоссе достигнуто земствомъ Тульской губерніи, затѣмъ къ тому же приступило Калужское земство и т. д.; дѣло это оказалось настолько выгоднымъ и для казны и для земства, что въ настоящее время почти во всѣхъ земскихъ губерніяхъ вопросъ этотъ поставленъ на очередь.

Въ сужденіяхъ по разнымъ вопросамъ земскаго хозяйства Д. А. всегда держался того мнѣнія, которое, независимо отъ мѣстнаго значенія, отвѣчало больше обще-губернскимъ интересамъ; въ сферѣ дорожной этотъ взглядъ Д. А. на дѣло всего лучше выясняется въ сужденіяхъ его по вопросу, всегда вызывавшему въ собраніи безконечные споры, о значеніи того или другого тракта въ губерніи и объ установленіи очереди, въ которой должно совершаться постепенное ихъ шоссированіе. Какъ только всталъ на очередь вопросъ о шоссированіи дорогъ въ губерніи, Д. А. составилъ и проводилъ въ собраніи слѣдующій планъ постепеннаго улучшенія дорогъ: постепенно шоссировать существующія большія дороги, идущія отъ центра къ окраинамъ, выставляя на 1-ую очередь тѣ изъ нихъ, по которымъ совершается наибольшее грузовое движеніе; поясныя дороги, по его мнѣнію, имѣютъ значеніе лишь въ качествѣ питательныхъ вѣтвей отъ уѣздныхъ городовъ и торгово-промышленныхъ пунктовъ въ губерніи къ главнымъ шоссированнымъ трактамъ или къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. Планъ этотъ выбранъ былъ до такой степени удачно, что и въ настоящее время, когда всѣ главнѣйшіе тракты, идущіе отъ центра къ окрайнамъ уже шоссированы, Московское земство дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, шоссируя постепенно промежуточныя дороги второстепеннаго значенія по радіусамъ отъ Москвы.

Изложеннымъ относительно дѣятельности Д. А. по дорожному отдѣлу, можетъ быть всего лучше иллюстрируется его отношеніе къ земскому дѣлу. Тутъ видно и бережное отношеніе къ земскимъ средствамъ и осторожность въ выборѣ путей для достиженія цѣли и сознаніе необходимости извѣстной планомѣрности и опредѣленности въ общественномъ дѣлѣ и умѣнье достигать цѣлей путемъ проведенія всего намѣчаемаго и предлагаемаго черезъ земское же собраніе.

Та осторожность въ изысканіи средствъ на широкое развитіе дорожнаго дѣла, которая сказалась здѣсь, была постоянной чертой, характеризующей земскую дѣятельность Д. А., и въ послѣдующемъ придется не разъ отмѣчать ее; она же напр. выразилась, какъ это будетъ видно въ своемъ мѣстѣ, и въ вопросѣ объ организаціи призрѣнія душевно-больныхъ, гдѣ Д. А. оставался послѣдовательнымъ тому образу дѣйствія, котораго держался съ самаго начала и который намѣтилъ въ приведенныхъ выше словахъ изъ доклада 1866 г.

Въ дѣятельности по дорожному отдѣлу выразилась и еще одна черта Д. А. Какъ отмѣчено выше онъ охранялъ самостоятельность и права земства, но при этомъ клалъ въ основу общественной дѣятельности тотъ широкій взглядъ, согласно которому всѣ лица, приставленныя къ извѣстному дѣлу, каково бы положеніе ихъ не было, являются одинаково заинтересованными въ успѣхѣ этого дѣла и между ними не можетъ быть антагонизма, а напротивъ солидарное стремленіе поставить дѣло правильнымъ образомъ. Такъ, при обсужденіи въ собраніи доклада объ установленіи правительственной инспекціи шоссейныхъ дорогъ Д. А. высказалъ слѣдующее: „отъ этой инспекціи земство можетъ ожидать большой пользы. Я не думаю, чтобы съ самаго же начала явились недоразумѣнія, и земскія учрежденія стали бы во враждебныя отношенія къ инспекціи. Напротивъ я полагаю, что дѣло можетъ идти вполнѣ успѣшно только при полномъ согласіи между земствомъ и представителями Министерства Путей Сообщенія. Въ этомъ отношеніи я смотрю на инспекцію, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на помощницу губернской управы". Отсюда видно, что если высказанное здѣсь Д. А. и не всегда оправдывалось, то причину этого нельзя искать въ отношеніи Д. А. къ административному содѣйствію. Слѣдуетъ отмѣтить и еще одно обстоятельство. Дорожное дѣло не было въ числѣ тѣхъ, завѣдываніе которымъ прямо бралъ на себя Д. А. Выше было указано, что по установленному въ первомъ же году распредѣленію занятій въ Управѣ—дорожное дѣло отошло къ одному изъ членовъ управы. Между тѣмъ изъ изложеннаго видно, какое широкое дѣятельное участіе принималъ и здѣсь Д. А., сколько было здѣсь и его иниціативы и заботъ по приведенію въ исполненіе земскихъ начинаній. Отсюда можно предполагать, что, если въ послѣдующемъ иниціатива Д. А. не будетъ проявляться настолько рельефно, то это скорѣй можно отнести не столько на отсутствіе ея, сколько на то, что она покрывалась, такъ

сказать, тѣмъ коллегіальнымъ образомъ дѣйствій, который лежитъ въ основѣ земскихъ учрежденій и столь убѣжденнымъ, принципіальнымъ сторонникомъ котораго былъ Д. А. во всѣхъ своихъ проявленіяхъ.

VI.

Только что сказанное подтверждается и участіемъ Д. А. въ дѣятельности страхового отдѣла, завѣдываніе которымъ также не лежало непосредственно на Д. А.

Открытіе страховыхъ операцій потребовало массу подготовительныхъ работъ. Необходимо было на первыхъ же порахъ: 1) установить нормальныя страховыя суммы для различнаго рода строеній; 2) назначить размѣръ премій; 3) выработать формы регистраціи строеній, подлежащихъ обязательному страхованію; 4) опредѣлить условія, при которыхъ могли приниматься на страхъ заведенія, подверженныя особой опасности отъ огня и 5) выработать инструкціи по веденію страхового дѣла для уѣздныхъ управъ, волостныхъ правленій и особыхъ страховыхъ агентовъ. Во всѣхъ этихъ подготовительныхъ работахъ Д. А. принималъ горячее участіе. Въ то отдаленное время управа не располагала статистическими данными, необходимыхъ для вычисленія страхового тарифа. Приходилось опредѣлять размѣръ премій путемъ догадокъ и апріорныхъ соображеній. Тѣмъ не менѣе тарифъ установленный въ обязательномъ страхованіи, оказался настолько удачнымъ, что сохранилъ свою силу вплоть до настоящаго времени. Послѣдующія работы статистическаго отдѣленія вполнѣ подтвердили его правильность. Удачное опредѣленіе страхового тарифа должно быть постановлено въ большую заслугу Д. А. Оно спасло Московское земское страхованіе отъ многихъ непріятныхъ неожиданностей, съ которыми пришлось имѣть дѣло другимъ земствамъ.

Но положеніе 7 апрѣля 1864 г. не было свободно отъ недостатковъ. Прошло не болѣе трехъ лѣтъ послѣ опубликованія положенія, какъ многія земства представили въ министерство внутреннихъ дѣлъ ходатайство объ измѣненіи тѣхъ статей закона, которыя, по ихъ мнѣнію, были мало согласованы съ жизнью. На основаніи земскихъ ходатайствъ министерство внутреннихъ дѣлъ составило проектъ новаго положенія о земскомъ взаимномъ страхованіи, который вмѣстѣ съ пояснительной запиской былъ сообщенъ губернскимъ земскимъ собраніямъ. Ознакомившись съ содержаніемъ проекта, Московское земство избрало особую комиссію и поручило ей разсмотрѣть предложенія министерство внутреннихъ дѣлъ и представить по этому поводу особый докладъ. Въ составъ этой комиссіи вошелъ Д. А. Какъ извѣстно, министерство желало распространить въ силу общаго закона обязательство страхованія на всѣ вообще строенія, находящіяся внѣ черты крестьянской усадебной осѣдлости. Комиссія отнеслась отрицательно къ предположеніямъ министерства и признала

ихъ несогласными съ правильно понятыми началами взаимнаго обязательнаго страхованія. Докладъ комиссіи обсуждался въ засѣданіи 21 марта 1874 г. Нѣкоторыя изъ губернскихъ гласныхъ поддерживали проектъ министерства и находили, что государство всегда можетъ требовать, чтобы частныя лица страховали свои имущества, коль скоро это необходимо въ видахъ государственной пользы, но Д. А. горячо ратовалъ противъ этого взгляда, находя, „что въ такомъ случаѣ страхованіе теряетъ значеніе, которое оно должно имѣть, и изъ страхового дѣла превращается въ въ спеціальный налогъ, назначенный для извѣстной цѣли. Мнѣ кажется, продолжалъ Д. А., что страховое дѣло можетъ стоять прочно только тогда, когда въ немъ устранится обязательность и каждый домовладѣлецъ, вслѣдствіе сознанія выгодности страхованія, добровольно будетъ страховать свое строеніе".

Эти слова даютъ основаніе заключить, что Д. А. смотрѣлъ на обязательное страхованіе, какъ на нѣчто переходное, какъ на такой институтъ, который долженъ исчезнуть вмѣстѣ съ ростомъ культуры и образованія.

Предположить существованіе у Д. А. такого взгляда тѣмъ болѣе справедливо, что онъ соотвѣтствуетъ проявленію дѣятельности Д. А. и по всѣмъ другимъ вопросамъ, что будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Земскій образъ дѣйствій по его мнѣнію и состоялъ именно въ томъ, чтобы не навязывать жизни что либо, а присматриваться къ ея условіямъ, требованіямъ и идти навстрѣчу имъ, отыскивая въ самыхъ условіяхъ жизни средства и способы удовлетворенія создаваемыхъ ею потребностей.

Просвѣщенный деспотизмъ никогда не былъ по душѣ Д. А. Онъ всегда оставался вѣренъ тому положенію, что каждой земской реформѣ должно предшествовать тщательное изученіе интересовъ и желаній населенія. Поэтому и въ земскомъ страхованіи его не могло не тяготить то положеніе, въ которомъ оно находилось до 1886 г. Въ то время у центральнаго страхового управленія не было такого органа на мѣстахъ, который могъ бы выслушивать желанія страхователей, входить въ кругъ ихъ интересовъ, видѣть пробѣлы въ земскихъ мѣропріятіяхъ, слѣдить за тѣмъ, насколько отвѣчаетъ требованіямъ жизни каждое постановленіе собранія, имѣющее въ виду дальнѣйшее развитіе страхового дѣла. Тогдашняя агентура занималась только пріемомъ на добровольный страхъ строеній, получала 10% вознагражденія съ премій и вообще играла такую же роль, какая отведена агентамъ частныхъ обществъ. Благодаря этому, страховое дѣло начинало утрачивать свой жизненный характеръ, проникалось духомъ бюрократическаго формализма и превращалась въ простую бумажную отписку. Что происходило при такомъ порядкѣ вещей, прекрасно изложено въ докладѣ управы о преобразованіи земской страховой агентуры въ Московской губерніи представленномъ собранію въ сессію 1885 г.; „Пропуски въ страховыхъ вѣдомостяхъ не только отдѣльныхъ строеній, но и цѣлыхъ усадебъ, бываютъ такъ часты, говоритъ Управа въ своемъ

содѣйствіи уѣздамъ по устройству медицинской части, оставалась невыясненной самой жизнію; при такихъ условіяхъ затрата средствъ на этотъ предметъ грозила быть непроизводительной и бережное отношеніе къ средствамъ населенія удерживало отъ нея. Тоже, что выяснилось какъ цѣлесообразное, примѣнялось тотчасъ же и признавалось задачей губернскаго земства. Послѣдствія показали, что передача врачебной части всецѣло въ вѣдѣніе уѣздныхъ земствъ была наилучшимъ средствомъ выяснить условія этой дѣятельности и создать фундаментъ для прочной и цѣлесообразной постановки медицинскаго дѣла. Въ 1871 г. одинъ изъ гласныхъ Подольскаго у. (И. И. Мусинъ-Пушкинъ), возбудилъ вопросъ объ участіи губернскаго земства въ устройствѣ медицинской части въ уѣздѣ, ссылаясь на возбужденный въ Подольскомъ уѣздѣ вопросъ объ устройствѣ лѣчебницы на границѣ 3-хъ уѣздовъ. Собраніе поручило Управѣ разработать этотъ вопросъ. Видимая иниціатива, такимъ образомъ, принадлежитъ здѣсь не Д. А. Но несомнѣнно ему извѣстно было, что такой вопросъ будетъ возбужденъ, и возможно, что и возбужденіе его было сдѣлано по соглашенію съ нимъ. Предполагать такъ заставляетъ то обстоятельство, что Д. А. былъ гласнымъ Подольскаго у., аккуратно посѣщавшимъ уѣздныя собранія, пользовался тамъ вліяніемъ и, конечно, не могъ не знать и не выразить своего отношенія къ вопросу, поднятому въ его присутствіи въ уѣздномъ собраніи. Вопросъ для него былъ тѣмъ болѣе ясенъ, что какъ разъ имѣніе Д. А. лежитъ на границѣ 4-хъ уѣздовъ и представляло такой пунктъ, который требовалъ, какъ это признало потомъ губернское собраніе, устройства губернской лѣчебницы. Но и независимо отъ этого случая, извѣстно, что Д. А. находилъ всегда болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ, чтобы новые вопросы возникали въ собраніи по предложенію не Управы, а кого либо изъ гласныхъ, такъ что нерѣдко намѣченный имъ же вопросъ возбуждалъ въ собраніи по соглашенію съ нимъ же кто либо изъ гласныхъ.

Однако, вопросъ о медицинской организаціи не легко поддавался выясненію, и въ 1873 году была учреждена санитарная коммиссія, которая должна была разработать этотъ вопросъ въ связи съ другими медицинскими вопросами. Но, для всесторонняго выясненія дѣла и этого считалось недостаточнымъ. Въ 1875 г. созывается первый съѣздъ земскихъ врачей, занятый, между прочимъ, разсмотрѣніемъ того же вопроса.

Къ этому времени вырабатывается полный планъ организаціи медицинской части въ губерніи и содѣйствія губернскаго земства уѣзднымъ. Для завѣдыванія санитарно-медицинскимъ дѣломъ былъ приглашенъ Е. А. Осиповъ, для организаціи же предпринятаго затѣмъ санитарнаго изслѣдованія фабрикъ и заводовъ, пользовавшійся уже въ то время извѣстностью Ф. Ф. Эрисманъ.

Итакъ, какъ видно, потребовалось ровно десять лѣтъ для того, чтобы совмѣстная работа уѣздовъ, губернскаго земства и наконецъ медицинскихъ силъ уѣздовъ привели къ выясненію правильной постановки дѣла

непосредственномъ, личномъ завѣдываніи Д. А. Однако и въ нихъ нельзя было не отнести очень многаго на долю Д. А. Въ проявленіяхъ его дѣятельности здѣсь сказались тѣ руководящія начала, которыя онъ проводилъ и во всемъ остальномъ и самъ намѣтилъ въ докладѣ 1866 г.: бережливость, руководство опредѣленнымъ планомъ, выработаннымъ на основаніи изученія мѣстныхъ нуждъ, стремленіе поставить все дѣло въ соотвѣтствіи съ требованіями жизни, при чемъ эти требованія и нужды понимались не произвольно, а сообразно тому, какъ они выражались самими представителями этихъ интересовъ. Если имѣть это въ виду, то становится совершенно понятнымъ, какимъ образомъ такая самобытная личность, какою представляется Д. А., повидимому, проявляла мало личной иниціативы, что отмѣчалась неоднократно иприписывалась недостатку иниціативы въ самомъ характерѣ Д. А., какъ личности. Изложенное до сихъ поръ показало, напротивъ, что въ этой личной иниціативѣ и въ настойчивости въ проведеніи ея недостатка не было даже въ тѣхъ отрасляхъ земской дѣятельности, которыя велись не непосредственно самимъ Д. А., гдѣ онъ являлся только какъ предсѣдатель Управы, лишь какъ руководитель общаго хода дѣлъ. Если имѣть это въ виду, а также другіе случаи проявленія иниціативы со стороны Д. А., съ которыми еще придется встрѣтиться, то объясненіе малому *внѣшнему* проявленію ея должно найтись частію, какъ то уже отмѣчено выше, въ коллегіальности по веденію всѣхъ дѣлъ Управы, частію въ томъ, что Д. А., призванный быть руководителемъ по исполненію постановленій собранія, которое въ свою очередь являлось лишь отраженіемъ интересовъ населенія, и не считалъ себя вправѣ выдвигать или проводить свою иниціативу, коль скоро условія и требованія мѣстной жизни и интересы ея не выработали въ общемъ сознаніи представленія о своевременности и цѣлесообразности извѣстнаго начинанія. Но когда это нужно было, когда та или другая потребность представлялась назрѣвшей и необходимо было принять мѣры для удовлетворенія ея, и мѣры эти являлись выясненными, тогда въ иниціативѣ со стороны Д. А. недостатка не обнаруживалось—она всегда оказывалась на лицо. Вотъ въ этомъ то умѣньи, такъ сказать, прятать свою иниціативу, соразмѣрять проявленіе ея съ живыми потребностями жизни и выдвигать на первый планъ не личный, а общественный элементъ, и сказывается характернѣйшая черта человѣка, являющагося въ самыхъ глубочайшихъ основахъ своей натуры истиннымъ земскимъ дѣятелемъ, выработавшимъ себѣ ставшее второй натурой убѣжденіе, что задача общественнаго дѣятеля состоитъ въ исполненіи и проведеніи въ жизнь того, что, не противорѣча убѣжденіямъ самого дѣятеля, идетъ навстрѣчу ясно сознаннымъ и проявленнымъ требованіямъ самого населенія.

VII.

Этотъ взглядъ, это сознаніе, эта практика, нигдѣ, можетъ быть, не сказались у Д. А. съ такой послѣдовательностью, какъ въ санитарно-медицинскомъ дѣлѣ, въ которомъ необходима была тѣмъ большая осторожность, что оно являлось дѣломъ требовавшимъ наиболѣе спеціальныхъ свѣдѣній, въ которомъ нельзя было довольствоваться только представленіемъ объ общихъ хозяйственныхъ условіяхъ и въ которомъ въ тоже время, именно по спеціальному характеру медицинскихъ мѣропріятій, нельзя было разсчитывать на указанія самого населенія относительно тѣхъ спеціальныхъ мѣръ, съ которыми здѣсь надо было придти навстрѣчу требованіямъ жизни въ дѣлѣ оздоровленія населенія.

Открытіе земскихъ учрежденій застало населеніе въ самомъ безпомощномъ положеніи въ медицинскомъ отношеніи.

Въ докладѣ Земскому собранію мартовской сессіи 1866 года Управа на основаніи полученныхъ изъ уѣздовъ фактическихъ свѣдѣній, сообщаетъ, что обыватели, за исключеніемъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ „не пользовались никакими постоянными медицинскими пособіями. Всѣ пособія ограничивались совѣтами и лѣкарствами, часто вредными, за которыми сельскіе обыватели прибѣгали къ знахарямъ и знахаркамъ... въ уѣздахъ нѣтъ ни медиковъ, ни фельдшеровъ, ни повивальныхъ бабокъ". Давая эту характеристику положенія дѣла и не внося никакихъ практическихъ предложеній по этому поводу, Управа, однако, приводя данныя о численномъ составѣ медицинскаго персонала у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, высказывала предположеніе, что составъ этотъ „не только можетъ служить подспорьемъ, но и главнымъ основаніемъ для будущаго устройства медицинской части въ уѣздахъ". Докладъ этотъ, надо полагать былъ писанъ Д. А., такъ какъ веденіе этого отдѣла земской дѣятельности не было взято на себя никѣмъ изъ членовъ управы и такимъ образомъ сказанное въ немъ, равно какъ и послѣдующій ходъ развитія земскаго медицинскаго дѣла въ губерніи, должно относиться къ характеристикѣ Д. А., тѣмъ болѣе, что все время его предсѣдательства именно онъ, а не кто либо другой изъ состава Управы, имѣлъ прямое отношеніе къ санитарно-врачебной организаціи, при чемъ онъ проявлялъ всегда самое дѣятельное участіе во всѣхъ медико-санитарныхъ мѣропріятіяхъ и обнаруживалъ полное знакомство съ дѣломъ и горячій интересъ къ нему.

Приведенная выписка изъ доклада свидѣтельствуетъ, что тотчасъ же по открытіи земскихъ учрежденій были приняты мѣры къ ознакомленію съ положеніемъ дѣла, а послѣдне-приведенныя слова доклада указываютъ на то, что намѣчался и нѣкоторый планъ постановки дѣла. Иниціатива, слѣдовательно, проявлена была и здѣсь, но въ тѣхъ предѣлахъ, какіе давало самое положеніе дѣла. Отсутствіе же какихъ либо практическихъ

предложеній объясняется не недостаткомъ сознанія о необходимости измѣнить существующіе: напротивъ, для чего же и докладывается объ этомъ собранію, какъ не для указанія на то, что такъ продолжаться далѣе не можетъ. Этимъ самымъ ставится вопросъ: что же дѣлать, вопросъ, на который отвѣтить управа не можетъ, такъ какъ необходимо знать отношеніе самого собранія, самихъ представителей мѣстныхъ интересовъ къ констатированному явленію; только выяснивъ это, можно знать, чѣмъ земство располагаетъ въ данномъ вопросѣ; при отсутствіи такого выясненія намѣчать что либо положительное тѣмъ болѣе невозможно, что дѣло представляется слишкомъ сложнымъ, серьезнымъ и дорогимъ.

Но и собраніе не могло еще предложить чего либо осуществимаго въ то время. Оно также понимало трудность и сложность дѣла, требующаго большой осторожности и осмотрительности, что и доказывается послѣдующимъ ходомъ его. Но въ тоже время цѣль доклада обратить вниманіе собранія на положеніе дѣла, выяснить отношеніе къ нему собранія и вызвать его указанія относительно изысканія средствъ и способовъ измѣненія дѣла—была вполнѣ достигнута. Въ собраніи раздались указанія на невозможность оставить медицинскую часть въ томъ видѣ какъ она существуетъ, а также и на невозможность возлагать надежды на устройство медицинской части у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. Съ этимъ послѣднимъ согласилась затѣмъ и Управа, убѣдившись, что на дѣлѣ тамъ было все „далеко не въ томъ составѣ, какъ значилось на бумагѣ". Несмотря, однако, на выраженное въ собраніи сознаніе о необходимости измѣнить положеніе дѣла—ничего удобоосуществимаго предложено не было. Внесенные нѣкоторыми гласными проекты организаціи медицинской части, поступившіе на разсмотрѣніе коммиссіи народнаго здравія были разработаны и разосланы по уѣздамъ, изъ отвѣтовъ которыхъ коммиссія усмотрѣла, что „вопросъ слѣдуетъ отложить до того времени, когда онъ выяснится". Въ результатѣ, послѣ двухлѣтнихъ размышленій и разъясненій, собраніе въ январской сессіи 1868 года передало всю врачебную часть въ вѣдѣніе уѣздныхъ земствъ. Но это не значитъ, чтобы губернское земство сложило съ себя въ этомъ отношеніи всякое попеченіе. Напротивъ борьба съ эпидеміями была признана съ самаго открытія земскихъ учрежденій дѣломъ губернскаго земства, тоже самое слѣдуетъ сказать и объ оспопрививаніи. Наконецъ въ докладѣ тому же собранію 1868 г. Управа признаетъ „тѣсно связанный съ устройствомъ врачебной части — вопросъ о ветеринарной части" такимъ, на который должно быть „обращено серьезное вниманіе именно губернскимъ земствомъ". При этомъ въ докладѣ отмѣчается, что „падежи скота наносятъ значительный ущербъ сельскому хозяйству, положеніе котораго и безъ того не блистательно". Это послѣднее замѣчаніе свидѣтельствуетъ, что положеніе сельскаго хозяйства также не игнорировалось Управой съ самаго начала ея дѣятельности.

Изъ изложеннаго видно, что форма участія губернскаго земства въ

содѣйствіи уѣздамъ по устройству медицинской части, оставалась невыясненной самой жизнію; при такихъ условіяхъ затрата средствъ на этотъ предметъ грозила быть непроизводительной и бережное отношеніе къ средствамъ населенія удерживало отъ нея. Тоже, что выяснилось какъ цѣлесообразное, примѣнялось тотчасъ же и признавалось задачей губернскаго земства. Послѣдствія показали, что передача врачебной части всецѣло въ вѣдѣніе уѣздныхъ земствъ была наилучшимъ средствомъ выяснить условія этой дѣятельности и создать фундаментъ для прочной и цѣлесообразной постановки медицинскаго дѣла. Въ 1871 г. одинъ изъ гласныхъ Подольскаго у. (И. И. Мусинъ-Пушкинъ), возбудилъ вопросъ объ участіи губернскаго земства въ устройствѣ медицинской части въ уѣздѣ, ссылаясь на возбужденный въ Подольскомъ уѣздѣ вопросъ объ устройствѣ лѣчебницы на границѣ 3-хъ уѣздовъ. Собраніе поручило Управѣ разработать этотъ вопросъ. Видимая иниціатива, такимъ образомъ, принадлежитъ здѣсь не Д. А. Но несомнѣнно ему извѣстно было, что такой вопросъ будетъ возбужденъ, и возможно, что и возбужденіе его было сдѣлано по соглашенію съ нимъ. Предполагать такъ заставляетъ то обстоятельство, что Д. А. былъ гласнымъ Подольскаго у., аккуратно посѣщавшимъ уѣздныя собранія, пользовался тамъ вліяніемъ и, конечно, не могъ не знать и не выразить своего отношенія къ вопросу, поднятому въ его присутствіи въ уѣздномъ собраніи. Вопросъ для него былъ тѣмъ болѣе ясенъ, что какъ разъ имѣніе Д. А. лежитъ на границѣ 4-хъ уѣздовъ и представляло такой пунктъ, который требовалъ, какъ это признало потомъ губернское собраніе, устройства губернской лѣчебницы. Но и независимо отъ этого случая, извѣстно, что Д. А. находилъ всегда болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ, чтобы новые вопросы возникали въ собраніи по предложенію не Управы, а кого либо изъ гласныхъ, такъ что нерѣдко намѣченный имъ же вопросъ возбуждалъ въ собраніи по соглашенію съ нимъ же кто либо изъ гласныхъ.

Однако, вопросъ о медицинской организаціи не легко поддавался выясненію, и въ 1873 году была учреждена санитарная коммиссія, которая должна была разработать этотъ вопросъ въ связи съ другими медицинскими вопросами. Но, для всесторонняго выясненія дѣла и этого считалось недостаточнымъ. Въ 1875 г. созывается первый съѣздъ земскихъ врачей, занятый, между прочимъ, разсмотрѣніемъ того же вопроса.

Къ этому времени вырабатывается полный планъ организаціи медицинской части въ губерніи и содѣйствія губернскаго земства уѣзднымъ. Для завѣдыванія санитарно-медицинскимъ дѣломъ былъ приглашенъ Е. А. Осиповъ, для организаціи же предпринятаго затѣмъ санитарнаго изслѣдованія фабрикъ и заводовъ, пользовавшійся уже въ то время извѣстностью Ф. Ф. Эрисманъ.

Итакъ, какъ видно, потребовалось ровно десять лѣтъ для того, чтобы совмѣстная работа уѣздовъ, губернскаго земства и наконецъ медицинскихъ силъ уѣздовъ привели къ выясненію правильной постановки дѣла.

Но за то съ этого момента постановка медицинской части стала развиваться, быстро, послѣдовательно, неуклонно. Въ 1878 г. была основана первая губернская лѣчебница, въ 1879 г. вторая и т. д. Къ 1885 г. была закончена главная сѣть губернскихъ медицинскихъ участковъ, а дѣло продолжало развиваться и далѣе. Такимъ образомъ долгая предварительная подготовка, смѣнилась быстрой и рѣшительной дѣятельностью. Въ этомъ сказалась основная черта дѣятельности Д. А. Каждое новое начинаніе проводилось имъ въ жизнь только послѣ того, какъ всѣ условія его осуществленія были выяснены въ общемъ и въ частностяхъ, было установлено отношеніе къ земскимъ силамъ и средствамъ. Но разъ все это было выяснено, необходимость и возможность проведенія этого начинанія въ жизнь установлены—дѣло двигалось безостановочно, послѣдовательно, настойчиво, оно уже становилось прочнымъ достояніемъ земской жизни. И въ этомъ сказывалась не только личная черта Д. А.—Эта прочность и настойчивость являлась не только результатомъ его личной энергіи и убѣжденности. Послѣднія находили себѣ твердую поддержку въ земскомъ собраніи, вслѣдствіе того, что необходимость того или иного мѣропріятія проникала прочно въ общественное сознаніе. А это проникновеніе въ общественное сознаніе было въ значительной мѣрѣ результатомъ того выясненія, той тщательной предварительной подготовки осуществимости начинанія, которая вытекала изъ основныхъ свойствъ личности Д. А. и его осторожнаго, вдумчиваго отношенія къ общественнымъ интересамъ. Въ медицинскомъ дѣлѣ это являлось тѣмъ болѣе необходимымъ, что это было дѣло совершенно новое, не имѣвшее нигдѣ прецедентовъ и притомъ такое дѣло, постановка котораго всецѣло вызывалась специфически русскими и притомъ въ каждомъ данномъ случаѣ мѣстными условіями и ими опредѣлялась. И если раньше на примѣрѣ дорожного и страховаго дѣла пришлось отмѣтить ту правильность ихъ постановки, которая дала имъ значеніе образцовъ для другихъ земствъ, то еще въ большей мѣрѣ явилось образцовымъ медицинское дѣло, несравненно болѣе сложное и обширное.

Тоже приходится сказать о ветеринарномъ дѣлѣ тѣсно связанномъ съ медицинскимъ. Было указано, что еще въ докладѣ 1868 г. Д. А. отмѣтилъ, что на него должно быть обращено серьезное вниманіе именно губернскимъ земствомъ. Д. А. сразу же понялъ, что только при сосредоточеніи дѣла борьбы съ эпизоотіями въ рукахъ губернскаго земства возможно будетъ разсчитывать въ данномъ дѣлѣ на успѣхъ; что только при такомъ сосредоточеніи возможно достигнуть полнаго единообразія въ проведеніи на практикѣ мѣропріятій, единообразія, безъ котораго немыслима цѣлесообразная борьба съ заразными болѣзнями животныхъ.

Не имѣя подъ руками ни опытныхъ спеціалистовъ, ни опыта другихъ земствъ въ этомъ дѣлѣ, Московское земство въ началѣ дѣйствовало ощупью. По мѣрѣ того, какъ выяснялась все болѣе и болѣе рельефно неудовлетворительность постановки ветеринарнаго дѣла въ губерніи, принима-

борьбы была очевидна съ перваго раза. Но когда статистическія изслѣдованія выяснили съ рѣзкой очевидностью картину печальнаго экономическаго положенія крестьянства и гласные не нашли возможнымъ молча принять это къ свѣдѣнію, а выступили съ цѣлымъ рядомъ предложеній, Д. А. и здѣсь, слѣдуя своей тактикѣ осторожности, нашелъ нужнымъ разработать вопросъ въ коммиссіи. Но для Д. А. сдача вопроса въ коммиссію, никогда не значила, какъ это практикуется нерѣдко во многихъ учрежденіяхъ—похоронить вопросъ. Напротивъ, это вело всегда къ обстоятельной разработкѣ его, кончавшейся тѣмъ или или инымъ практическимъ предложеніемъ и во всякомъ случаѣ уясненіемъ вопроса. Такъ и тутъ въ результатѣ это повело къ образованію фонда для ссуды на покупку земель крестьянамъ.

Что касается другой мѣры, предложенной въ то время—приглашенія земствомъ агронома для распространенія травосѣянія, то Д. А., тогда былъ сильно противъ нея, находя ее преждевременной—и дѣйствительно, тогда въ началѣ 80-хъ годовъ—эта мѣра, такъ оправдавшая себя впослѣдствіи, не привела ни къ чему. Неопровержимымъ доказательствомъ того, что Д. А. воздерживался отъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій именно по невыясненности еще способовъ и условій ихъ осуществленія, по невыясненности того, какія именно мѣры должны быть приняты, служатъ слова его, сказанныя въ собраніи 1887 г. при обсужденіи предложенія о приглашеніи агронома:

„Подписывая этотъ докладъ" объясняетъ Д. А. я имѣлъ исключительно одну цѣль—изученія нуждъ губерніи и далѣе этого не шелъ, потому что держусь кореннаго правила, прежде чѣмъ приступать къ дѣлу, предварительно изучить всѣ его стороны, ибо считаю, что этимъ обезпечивается вѣрная и прочная постановка его. Изъ разъясненій членовъ коммиссіи я вижу, что нѣкоторые изъ нихъ разсчитываютъ, что задача того спеціально образованнаго лица, которое будетъ приглашено, не будетъ ограничиваться изученіемъ сельскаго хозяйства въ губерніи, но что оно будетъ давать нѣкоторыя указанія, совѣты о томъ, какія орудія выбирать, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Затѣмъ было указано, что это лицо будетъ изучать пермскую организацію и возможность примѣненія ея къ Московской губерніи. Я безусловно высказываюсь противъ возложенія на лицо, которое призвано будетъ изучать мѣстныя условія сельскаго хозяйства, еще какихъ либо другихъ обязанностей въ родѣ тѣхъ, которыя здѣсь указывались". При обсужденіи въ декабрьскую сессію 1889 предложенія объ организаціи экономическаго совѣта, гл. М. В. Духовской давалъ слѣдующее объясненіе такому отношенію Д. А. къ вопросу о земскихъ мѣропріятіяхъ экономическаго характера.

„Когда мнѣ приходилось говорить по этому поводу съ почтеннымъ моимъ товарищемъ по службѣ, самымъ стариннымъ земцемъ Д. А. Наумовымъ, то онъ указывалъ другую причину, (кромѣ той, что земству нужно

было прежде всего заботиться о томъ, чтобы населеніе было здорово и грамотно)—именно ту, что земство не знало, какимъ образомъ приступить къ этоту самому серьезному, коренному дѣлу. Неизвѣстно было, какимъ путемъ, способомъ помочь экономическимъ нуждамъ населенія, какія мѣры будутъ полезны, какія нѣтъ". Это объясненіе, высказанное въ присутствіи Д. А., не вызвало съ его стороны никакихъ возраженій.

Но если Д. А. былъ такъ остороженъ въ сельскохозяйственныхъ мѣропріятіяхъ, которыя требуютъ болѣе точнаго, болѣе подробнаго знанія всѣхъ мѣстныхъ особенностей, къ которымъ и должны быть приспособлены, то относительно другихъ экономическихъ мѣроцріятій, которыя могутъ имѣть болѣе общій характеръ и которыя ему представлялись болѣе выясненными, онъ дѣйствовалъ также настойчиво и энергично, какъ и во всемъ, что составляло его прочное убѣжденіе. Тѣ же статистическія изслѣдованія выяснили значеніе кустарныхъ промысловъ и недостатки ихъ положенія. И вотъ въ засѣданіи 11 декабря 1879 года, докладывая собранію о произведенныхъ уже земскими статистиками изслѣдованіяхъ по кустарнымъ промысламъ въ Московской губерніи, которыми выяснилось огромное значеніе этихъ промысловъ для мѣстнаго населенія, Д. А. предложилъ собранію: не найдетъ ли оно возможнымъ, въ видахъ улучшенія кустарныхъ издѣлій и пріисканія для нихъ большаго сбыта, воспользоваться предстоящей въ 1881 году выставкой, устроивъ отъ земства особый отдѣлъ кустарныхъ промысловъ, ассигновавъ на этотъ предметъ 5.000 р. Предложеніе это встрѣтило полное сочувствіе въ собраніи и было принято единогласно.

Въ продолженіе 1880 и 1881 г., дѣятельность Д. А., помимо обычныхъ его занятій по губернской управѣ, направлена была главнымъ образомъ на организацію кустарнаго отдѣла на предстоящей выставкѣ. Д. А. черезъ посредство статистиковъ, изслѣдовавшихъ промыслы, и путемъ личныхъ сношеній привлекъ къ участію на выставкѣ кустарей. Ему удалось съ затратою сравнительно незначительныхъ денежныхъ средствъ, составить тщательно подобранныя коллекціи кустарныхъ издѣлій и орудій производства, пополнивъ ихъ объяснительными таблицами, выработанными при непосредственномъ участіи завѣдывавшаго статистическимъ отдѣленіемъ В. И. Орлова и его сотрудниковъ, на мѣстахъ ознакомившихся съ различными видами кустарной промышленности, существующими условіями сбыта, съ потребностями и экономическимъ положеніемъ кустарей. Благодаря такой постановкѣ дѣла, кустарный отдѣлъ выставки не только ознакомилъ посѣтителей ея съ значеніемъ и современнымъ состояніемъ промысловъ, но и открылъ новые пути сбыта кустарныхъ издѣлій. Коллекціи же, собранныя для выставки вошли впослѣдствіи въ составъ музея основаннаго губернскимъ земствомъ по предложенію Д. А. въ 1883 году.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что при организаціи этой выставки Д. А. выступилъ не только какъ представитель интересовъ населенія Москов-

ской губерніи. Сознавая значеніе кустарныхъ промысловъ въ народной экономіи, Д. А. принялъ горячее участіе въ работахъ коммиссіи по организаціи на выставкѣ кустарнаго отдѣла для произведеній кустарной промышленности во всей Россіи. Благодаря этому, этотъ отдѣлъ, которому было удѣлено нѣкоторое вниманіе и на Политехнической выставкѣ, представилъ здѣсь впервые кустарную промышленность въ Россіи во всей ея полнотѣ и разнообразіи. Тутъ публика могла вполнѣ ознакомиться почти со всѣми видами этого рода занятій населенія, наглядно представить себѣ значеніе какое они имѣютъ въ общей народной экономіи, но въ то же время видѣть и заброшенность этой народной дѣятельности, ея жалкія, нерѣдко первобытныя орудія; дешевизна этихъ издѣлій, продажа которыхъ была организована на выставкѣ, заинтересовала въ нихъ потребителей, ознакомившихся вмѣстѣ съ тѣмъ и съ качествами издѣлій; организованныя при этомъ объясненія выставленныхъ коллекцій, дававшіяся лицами хорошо знакомыми съ дѣломъ, непосредственно изслѣдовавшими промыслы и собиравшими коллекціи—также не мало способствовали распространенію въ публикѣ свѣдѣній о кустарной промышленности и возбуждали все большій и большій интересъ къ ней. Такимъ образомъ эта организація кустарнаго отдѣла на выставкѣ 1882 г., въ которой Д. А. принималъ такое живое и непосредстенное участіе, заранѣе знакомясь со всѣми коллекціями и вникая во всѣ мелочи дѣла,—имѣла широкое общероссійское значеніе и несомнѣнно не мало вліяла на начинаніе или расширеніе дѣятельности многихъ земствъ по мѣропріятіямъ ихъ на пользу кустарной промышленности.

На организаціи кустарнаго музея, какъ извѣстно, дѣло не остановилось. Д. А., продолжая самъ лично съ интересомъ слѣдить за ходомъ дѣлъ музея, нерѣдко посѣщая его, вникалъ во всѣ условія развитія дѣла. По мѣрѣ того, какъ выяснялись различныя стороны организаціи, большая сложность дѣла, нежели то представлялось въ началѣ, Д. А. стремился къ измѣненію всей постановки дѣла. Въ результатѣ этого было образованіе коммиссіи, которая должна была направлять развитіе дѣятельности кустарнаго музея. Изъ этой коммиссіи вытекло образованіе экономическаго отдѣла, долженствовавшаго объединить вообще экономическія мѣропріятія губернскаго земства, въ томъ числѣ и сельско-хозяйственныя. Такимъ образомъ при Д. А. постепенно все болѣе и болѣе развивалось воздѣйствіе губернскаго земства на экономическое положеніе населенія. Здѣсь, какъ и во всемъ, онъ считалъ во-первыхъ нужнымъ совершенно добросовѣстно стремиться къ выполненію предначертаній собранія, а затѣмъ по мѣрѣ того, какъ дѣло уяснялось все болѣе и болѣе и намѣчались мѣры, которыя оказывались выполнимыми при данныхъ условіяхъ, Д. А. не стѣснялся признать неправильнымъ свой прежній взглядъ, не стѣснялся согласиться съ тѣмъ, чему долго противился ранѣе. И какъ только онъ убѣждался въ цѣлесообразности извѣстной мѣры, онъ уже принимался за проведеніе ея стойко, безъ

всякихъ отступленій, осмотрительно предупреждая и отстраняя всякія препятствія, стоящія на пути ея.

X.

Выше были приведены слова Д. А., что онъ держится „коренпаго правила" предварительно изучить всѣ стороны дѣла, такъ какъ этимъ обезпечивается „вѣрная и прочная постановка его". И это дѣйствительно было его коренпымъ правиломъ, котораго онъ держался во всемъ. Извѣстно какъ близки и дороги были ему вопросы народнаго образованія. Они всегда были предметомъ самаго серьезнаго и постояннаго вниманія Д. А. Всѣ доклады по народному образованію онъ постоянно писалъ самъ, тщательно, съ любовью разработывая весь матеріалъ, которымъ можно было характеризовать положеніе дѣла народнаго образованія и намѣтить дальнѣйшія мѣры. Такимъ образомъ, онъ тщательно изъ года въ годъ слѣдилъ за развитіемъ дѣла и намѣчалъ дальнѣйшія пути его преуспѣянія, расширяя все больше и больше содѣйствіе губернскаго земства уѣзднымъ въ этомъ дѣлѣ, которое надо полагать, онъ считалъ тѣмъ болѣе существеннымъ, что безъ правильной постановки народнаго образованія, не можетъ нормальнымъ путемъ развиваться и земское самоуправленіе, вся сила котораго заключается въ широкой сознательной дѣятельности самаго населенія, что тѣсно связано съ всестороннимъ развитіемъ личности.

При такомъ отношеніи къ этому вопросу какъ будто бы надо ожидать, что Д. А. съ первыхъ же шаговъ своей земской дѣятельности горячо возьмется за примѣненіе мѣръ, необходимыхъ для проведенія въ народную среду грамотности, какъ первоисточника пріобрѣтенія знаній. Однако, Д. А. оставался вѣренъ самому себѣ и здѣсь: предварительно осторожно ощупывалъ почву и выяснялъ фактическое положеніе дѣла.

Такъ при обсужденіи въ 1867 г. доклада о поддержаніи школъ бывшихъ государственныхъ имуществъ, Д. А. заявилъ, что на основаніи свѣдѣній, которыя будутъ доставлены уѣздными управами, губернская управа можетъ составить соображенія, гдѣ существуетъ наибольшая потребность въ открытіи школъ и внести въ смѣту извѣстную сумму, утвердить или не утвердить которую будетъ зависѣть отъ собранія. Слѣдовательно и здѣсь Д. А. на первыхъ порахъ ограничился только собираніемъ свѣдѣній, выясненіемъ положенія дѣла. Но за-то, затѣмъ, оно развивалось съ каждымъ годомъ шире и шире. При этомъ Д. А. проводилъ здѣсь настойчиво и другой принципъ, который являлся однимъ изъ руководящихъ во всей его земской дѣятельности. Принципъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы губернское земство привходило на помощь уѣзднымъ только въ томъ случаѣ, когда послѣднія проявляли потребность въ извѣстномъ начинаніи путемъ опредѣленной ассигновки на проведеніе даннаго

борьбы была очевидна съ перваго раза. Но когда статистическія изслѣдованія выяснили съ рѣзкой очевидностью картину печальнаго экономическаго положенія крестьянства и гласные не нашли возможнымъ молча принять это къ свѣдѣнію, а выступили съ цѣлымъ рядомъ предложеній, Д. А. и здѣсь, слѣдуя своей тактикѣ осторожности, нашелъ нужнымъ разработать вопросъ въ коммиссіи. Но для Д. А. сдача вопроса въ коммиссію, никогда не значила, какъ это практикуется нерѣдко во многихъ учрежденіяхъ—похоронить вопросъ. Напротивъ, это вело всегда къ обстоятельной разработкѣ его, кончавшейся тѣмъ или или инымъ практическимъ предложеніемъ и во всякомъ случаѣ уясненіемъ вопроса. Такъ и тутъ въ результатѣ это повело къ образованію фонда для ссуды на покупку земель крестьянамъ.

Что касается другой мѣры, предложенной въ то время—приглашенія земствомъ агронома для распространенія травосѣянія, то Д. А., тогда былъ сильно противъ нея, находя ее преждевременной—и дѣйствительно, тогда въ началѣ 80-хъ годовъ—эта мѣра, такъ оправдавшая себя впослѣдствіи, не привела ни къ чему. Неопровержимымъ доказательствомъ того, что Д. А. воздерживался отъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій именно по невыясненности еще способовъ и условій ихъ осуществленія, по невыясненности того, какія именно мѣры должны быть приняты, служатъ слова его, сказанныя въ собраніи 1887 г. при обсужденіи предложенія о приглашеніи агронома:

„Подписывая этотъ докладъ“ объясняетъ Д. А. я имѣлъ исключительно одну цѣль—изученія нуждъ губерніи и далѣе этого не шелъ, потому что держусь кореннаго правила, прежде чѣмъ приступать къ дѣлу, предварительно изучить всѣ его стороны, ибо считаю, что этимъ обезпечивается вѣрная и прочная постановка его. Изъ разъясненій членовъ коммиссіи я вижу, что нѣкоторые изъ нихъ разсчитываютъ, что задача того спеціально образованнаго лица, которое будетъ приглашено, не будетъ ограничиваться изученіемъ сельскаго хозяйства въ губерніи, но что оно будетъ давать нѣкоторыя указанія, совѣты о томъ, какія орудія выбирать, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Затѣмъ было указано, что это лицо будетъ изучать пермскую организацію и возможность примѣненія ея къ Московской губерніи. Я безусловно высказываюсь противъ возложенія на лицо, которое призвано будетъ изучать мѣстныя условія сельскаго хозяйства, еще какихъ либо другихъ обязанностей въ родѣ тѣхъ, которыя здѣсь указывались“. При обсужденіи въ декабрьскую сессію 1889 предложенія объ организаціи экономическаго совѣта, гл. М. В. Духовской давалъ слѣдующее объясненіе такому отношенію Д. А. къ вопросу о земскихъ мѣропріятіяхъ экономическаго характера.

„Когда мнѣ приходилось говорить по этому поводу съ почтеннымъ моимъ товарищемъ по службѣ, самымъ стариннымъ земцемъ Д. А. Наумовымъ, то онъ указывалъ другую причину, (кромѣ той, что земству нужно

было прежде всего заботиться о томъ, чтобы населеніе было здорово и грамотно)—именно ту, что земство не знало, какимъ образомъ приступить къ этоту самому серьезному, коренному дѣлу. Неизвѣстно было, какимъ путемъ, способомъ помочь экономическимъ нуждамъ населенія, какія мѣры будутъ полезны, какія нѣтъ". Это объясненіе, высказанное въ присутствіи Д. А., не вызвало съ его стороны никакихъ возраженій.

Но если Д. А. былъ такъ остороженъ въ сельскохозяйственныхъ мѣропріятіяхъ, которыя требуютъ болѣе точнаго, болѣе подробнаго знанія всѣхъ мѣстныхъ особенностей, къ которымъ и должны быть приспособлены, то относительно другихъ экономическихъ мѣроцріятій, которыя могутъ имѣть болѣе общій характеръ и которыя ему представлялись болѣе выясненными, онъ дѣйствовалъ также настойчиво и энергично, какъ и во всемъ, что составляло его прочное убѣжденіе. Тѣ же статистическія изслѣдованія выяснили значеніе кустарныхъ промысловъ и недостатки ихъ положенія. И вотъ въ засѣданіи 11 декабря 1879 года, докладывая собранію о произведенныхъ уже земскими статистиками изслѣдованіяхъ по кустарнымъ промысламъ въ Московской губерніи, которыми выяснилось огромное значеніе этихъ промысловъ для мѣстнаго населенія, Д. А. предложилъ собранію: не найдетъ ли оно возможнымъ, въ видахъ улучшенія кустарныхъ издѣлій и пріисканія для нихъ большаго сбыта, воспользоваться предстоящей въ 1881 году выставкой, устроивъ отъ земства особый отдѣлъ кустарныхъ промысловъ, ассигновавъ на этотъ предметъ 5.000 р. Предложеніе это встрѣтило полное сочувствіе въ собраніи и было принято единогласно.

Въ продолженіе 1880 и 1881 г., дѣятельность Д. А., помимо обычныхъ его занятій по губернской управѣ, направлена была главнымъ образомъ на организацію кустарнаго отдѣла на предстоящей выставкѣ. Д. А. черезъ посредство статистиковъ, изслѣдовавшихъ промыслы, и путемъ личныхъ сношеній привлекъ къ участію на выставкѣ кустарей. Ему удалось съ затратою сравнительно незначительныхъ денежныхъ средствъ, составить тщательно подобранныя коллекціи кустарныхъ издѣлій и орудій производства, пополнивъ ихъ объяснительными таблицами, выработанными при непосредственномъ участіи завѣдывавшаго статистическимъ отдѣленіемъ В. И. Орлова и его сотрудниковъ, на мѣстахъ ознакомившихся съ различными видами кустарной промышленности, существующими условіями сбыта, съ потребностями и экономическимъ положеніемъ кустарей. Благодаря такой постановкѣ дѣла, кустарный отдѣлъ выставки не только ознакомилъ посѣтителей ея съ значеніемъ и современнымъ состояніемъ промысловъ, но и открылъ новые пути сбыта кустарныхъ издѣлій. Коллекціи же, собранныя для выставки вошли впослѣдствіи въ составъ музея основаннаго губернскимъ земствомъ по предложенію Д. А. въ 1883 году.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что при организаціи этой выставки Д. А. выступилъ не только какъ представитель интересовъ населенія Москов-

ской губерніи. Сознавая значеніе кустарныхъ промысловъ въ народной экономіи, Д. А. принялъ горячее участіе въ работахъ коммиссіи по организаціи на выставкѣ кустарнаго отдѣла для произведеній кустарной промышленности во всей Россіи. Благодаря этому, этотъ отдѣлъ, которому было удѣлено нѣкоторое вниманіе и на Политехнической выставкѣ, представилъ здѣсь впервые кустарную промышленность въ Россіи во всей ея полнотѣ и разнообразіи. Тутъ публика могла вполнѣ ознакомиться почти со всѣми видами этого рода занятій населенія, наглядно представить себѣ значеніе какое они имѣютъ въ общей народной экономіи, но въ то же время видѣть и заброшенность этой народной дѣятельности, ея жалкія, нерѣдко первобытныя орудія; дешевизна этихъ издѣлій, продажа которыхъ была организована на выставкѣ, заинтересовала въ нихъ потребителей, ознакомившихся вмѣстѣ съ тѣмъ и съ качествами издѣлій; организованныя при этомъ объясненія выставленныхъ коллекцій, дававшіяся лицами хорошо знакомыми съ дѣломъ, непосредственно изслѣдовавшими промыслы и собиравшими коллекціи—также не мало способствовали распространенію въ публикѣ свѣдѣній о кустарной промышленности и возбуждали все большій и большій интересъ къ ней. Такимъ образомъ эта организація кустарнаго отдѣла на выставкѣ 1882 г., въ которой Д. А. принималъ такое живое и непосредстенное участіе, заранѣе знакомясь со всѣми коллекціями и вникая во всѣ мелочи дѣла,—имѣла широкое общероссійское значеніе и несомнѣнно не мало вліяла на начинаніе или расширеніе дѣятельности многихъ земствъ по мѣропріятіямъ ихъ на пользу кустарной промышленности.

На организаціи кустарнаго музея, какъ извѣстно, дѣло не остановилось. Д. А., продолжая самъ лично съ интересомъ слѣдить за ходомъ дѣлъ музея, нерѣдко посѣщая его, вникалъ во всѣ условія развитія дѣла. По мѣрѣ того, какъ выяснялись различныя стороны организаціи, большая сложность дѣла, нежели то представлялось въ началѣ, Д. А. стремился къ измѣненію всей постановки дѣла. Въ результатѣ этого было образованіе коммиссіи, которая должна была направлять развитіе дѣятельности кустарнаго музея. Изъ этой коммиссіи вытекло образованіе экономическаго отдѣла, долженствовавшаго объединить вообще экономическія мѣропріятія губернскаго земства, въ томъ числѣ и сельско-хозяйственныя. Такимъ образомъ при Д. А. постепенно все болѣе и болѣе развивалось воздѣйствіе губернскаго земства на экономическое положеніе населенія. Здѣсь, какъ и во всемъ, онъ считалъ во-первыхъ нужнымъ совершенно добросовѣстно стремиться къ выполненію предначертаній собранія, а затѣмъ по мѣрѣ того, какъ дѣло уяснялось все болѣе и болѣе и намѣчались мѣры, которыя оказывались выполнимыми при данныхъ условіяхъ, Д. А. не стѣснялся признать неправильнымъ свой прежній взглядъ, не стѣснялся согласиться съ тѣмъ, чему долго противился ранѣе. И какъ только онъ убѣждался въ цѣлесообразности извѣстной мѣры, онъ уже принимался за проведеніе ея стойко, безъ

всякихъ отступленій, осмотрительно предупреждая и отстраняя всякія препятствія, стоящія на пути ея.

X.

Выше были приведены слова Д. А., что онъ держится „коренпаго правила" предварительно изучить всѣ стороны дѣла, такъ какъ этимъ обезпечивается „вѣрная и прочная постановка его". И это дѣйствительно было его кореннымъ правиломъ, котораго онъ держался во всемъ. Извѣстно какъ близки и дороги были ему вопросы народнаго образованія. Они всегда были предметомъ самаго серьезнаго и постояннаго вниманія Д. А. Всѣ доклады по народному образованію онъ постоянно писалъ самъ, тщательно, съ любовью разработывая весь матеріалъ, которымъ можно было характеризовать положеніе дѣла народнаго образованія и намѣтить дальнѣйшія мѣры. Такимъ образомъ, онъ тщательно изъ года въ годъ слѣдилъ за развитіемъ дѣла и намѣчалъ дальнѣйшія пути его преуспѣянія, расширяя все больше и больше содѣйствіе губернскаго земства уѣзднымъ въ этомъ дѣлѣ, которое надо полагать, онъ считалъ тѣмъ болѣе существеннымъ, что безъ правильной постановки народнаго образованія, не можетъ нормальнымъ путемъ развиваться и земское самоуправленіе, вся сила котораго заключается въ широкой сознательной дѣятельности самаго населенія, что тѣсно связано съ всестороннимъ развитіемъ личности.

При такомъ отношеніи къ этому вопросу какъ будто бы надо ожидать, что Д. А. съ первыхъ же шаговъ своей земской дѣятельности горячо возьмется за примѣненіе мѣръ, необходимыхъ для проведенія въ народную среду грамотности, какъ первоисточника пріобрѣтенія знаній. Однако, Д. А. оставался вѣренъ самому себѣ и здѣсь: предварительно осторожно ощупывалъ почву и выяснялъ фактическое положеніе дѣла.

Такъ при обсужденіи въ 1867 г. доклада о поддержаніи школъ бывшихъ государственныхъ имуществъ, Д. А. заявилъ, что на основаніи свѣдѣній, которыя будутъ доставлены уѣздными управами, губернская управа можетъ составить соображенія, гдѣ существуетъ наибольшая потребность въ открытіи школъ и внести въ смѣту извѣстную сумму, утвердить или не утвердить которую будетъ зависѣть отъ собранія. Слѣдовательно и здѣсь Д. А. на первыхъ порахъ ограничился только собираніемъ свѣдѣній, выясненіемъ положенія дѣла. Но за-то, затѣмъ, оно развивалось съ каждымъ годомъ шире и шире. При этомъ Д. А. проводилъ здѣсь настойчиво и другой принципъ, который являлся однимъ изъ руководящихъ во всей его земской дѣятельности. Принципъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы губернское земство привходило на помощь уѣзднымъ только въ томъ случаѣ, когда послѣднія проявляли потребность въ извѣстномъ начинаніи путемъ опредѣленной ассигновки на проведеніе даннаго

начинанія въ жизнь. На практикѣ, конечно, это нерѣдко вело къ тому, что уѣзды наименѣе богатыя средствами, не бывшіе въ состояніи дѣлать извѣстныя ассигновки, лишались и содѣйствія со стороны губернскаго земства, на что нерѣдко и указывалось въ собраніи. Но Д. А. не смущался этимъ и оставался строго послѣдовательнымъ своему основному положенію, настойчиво отстаивая его въ собраніи. Для него въ этомъ сказывалась именно земская постановка дѣла. Въ самомъ дѣлѣ — такая точка зрѣнія, согласно которой уѣзду наиболѣе бѣдному слѣдовало давать больше, а уѣзду, который ничего не могъ ассигновать на извѣстную мѣру, признанною отвѣчающей интересамъ населенія дать все, что на это нужно—такая точка зрѣнія несомнѣнно имѣетъ за себя очень многое. Но въ основѣ ея несомнѣнно лежитъ филантропическое начало, которое несвойственно земскому самоуправленію. Тамъ, гдѣ проводится филантропическое начало, существуетъ непремѣнно и элементъ опеки. Д. А. былъ убѣжденнымъ противникомъ всякой опеки по отношенію къ взрослому населенію. Принципъ самоуправленія для него выражался прежде всего въ томъ, что населеніе само знаетъ свои интересы, само заявляетъ ихъ и въ мѣрѣ сознанія ихъ стремится къ ихъ удовлетворенію. Мѣркой же того дѣйствительно ли населеніе чувствуетъ настоятельную потребность въ томъ или другомъ, служила въ его глазахъ готовность населенія идти для этого на матеріальныя жертвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда, какъ это и отмѣчено выше, выдѣлялъ то, что имѣетъ обще губернское значеніе отъ того, что составляетъ мѣстный уѣздный интересъ. Вслѣдствіе всего этого, при всей глубинѣ его сознанія о значеніи распространенія грамотности, онъ съ самаго начала раздѣлилъ функціи въ этомъ отношеніи уѣздныхъ и губернскаго земствъ. Самыя основы подраздѣленія мѣнялись потомъ, но функціи уѣзда и губерніи никогда при этомъ не смѣшивались; отступленій же отъ того начала, по которому губернія приходила на помощь уѣзду, лишь при матеріальныхъ затратахъ со стороны послѣдняго — никогда не допускалось. Такъ, въ началѣ было поставлено правиломъ, что „пособіе училищамъ есть дѣло уѣзднаго, образованіе учителей—губернскаго земства“, въ послѣдствіи губернское земство стало принимать участіе и въ расходахъ на постройку школъ, устройство библіотекъ и т. п., но общее правило, по которому инціатива должна исходить непосредственно отъ уѣздовъ и отвѣтственность за ссуду остается на послѣднихъ—продолжало существовать все время. И можетъ быть такая постановка, которой Д. А., повторяемъ, держался крайне послѣдовательно, наиболѣе содѣйствовала, какъ развитію самодѣятельности уѣздовъ, такъ и широкому участію губернскаго земства въ содѣйствіи имъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый уѣздъ, конечно, такъ или иначе заинтересованъ въ томъ, чтобы привлечь на пользу своего населенія большее количество земскихъ средствъ, а при описанной постановкѣ этого дѣла, несомнѣнно уѣздъ могъ достигнуть этого, только доведя у себя постановку дѣла до извѣстнаго предѣла. Такой характеръ

носило, напр., правило о приплатахъ учителямъ въ томъ лишь случаѣ, когда они получаютъ не менѣе опредѣленной суммы вознагражденія отъ уѣзда. Казалось бы тамъ, гдѣ получаютъ меньше, должна и приплата со стороны губернскаго земства быть больше. Но Д. А., имѣя въ виду интересъ учителей, въ тоже время не отступался и отъ той земской точки зрѣнія, согласно который — первая забота объ улучшеніи положенія учителей должна быть проявлена самимъ уѣздомъ. Къ этому присоединялись еще и соображенія относительно тѣхъ предѣловъ финансовыхъ расходовъ, которыя посильны для губернскаго земства.

Все изложенное до сихъ поръ, безъ всякихъ комментарій къ тому, свидѣтельствуетъ о томъ, на сколько не формально относился Д. А. ко всякому дѣлу, вникая въ самое существо его.

Въ вопросахъ народнаго образованія, для него задача заключалась также не въ томъ только, чтобы побольше народу научить грамотѣ. Онъ не разъ высказывалъ и проводилъ на практикѣ ту мысль, что дѣло распространенія просвѣщенія пойдетъ тѣмъ быстрѣе и будетъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ лучше будетъ поставлена школа—и потому, сосредоточивалъ главное вниманіе не на увеличеніи числа школъ, а на правильной постановкѣ школьнаго обученія, такъ что готовъ былъ поступиться отсутствіемъ въ увеличеніи числа школъ, коль скоро это увеличеніе должно происходить на счетъ пониженія образовательнаго уровня школы. Вотъ почему на первое, въ особенности, время главная забота Д. А. была сосредоточена на подготовкѣ надлежащаго учительскаго персонала, который могъ бы поставить школу на уровнѣ извѣстныхъ требованій, не ограничивающихся простымъ обученіемъ грамотѣ. Тотчасъ же послѣ того какъ собраніе сдѣлало постановленіе объ открытіи учительской школы въ с. Поливановѣ Подольскаго у., Д. А. озаботился пріисканіемъ достойнаго директора для школы. Послѣ совѣщанія съ лицами, близко стоящими къ учебному дѣлу, выборъ Д. А. палъ на П. М. Цейдлера, кромѣ педагогической опытности, отличавшагося высокими душевными качествами. При помощи его приглашены были въ качествѣ преподавателей лица, принявшія это приглашеніе не для полученія только заработка, но съ особенною любовію готовыя посвятить свои труды на дѣло воспитанія будущихъ народныхъ учителей.

Въ лицѣ директора П. М. Цейдлера Д. А. нашелъ, не только умѣлаго и дѣятельнаго помощника во внѣшней постановкѣ школы, съ которымъ вмѣстѣ онъ обдумывалъ и устраивалъ всѣ необходимыя приспособленія въ домѣ и усадьбѣ, не только опытнаго педагога, но и человѣка всей душой преданнаго интересамъ порученнаго ему учрежденія. Несмотря на преклонный уже возрастъ, П. М. Цейдлеръ своимъ живымъ отношеніемъ къ вопросамъ воспитанія, своею отзывчивостію на всѣ запросы молодыхъ товарищей, съ увлеченіемъ принявшихся за дѣло, снискалъ на первыхъ же порахъ общее уваженіе и симпатіи и Д. А. могъ съ полною увѣренностію

разсчитывать, что при такомъ руководителѣ будущность земской учительской школы вполнѣ обезпечена. Самъ Д. А., до того времени, очень рѣдко выѣзжавшій изъ Москвы, и бывавшій въ собственномъ имѣніи, въ Подольскомъ уѣздѣ, обыкновенно не болѣе одного раза въ годъ, сталъ посѣщать Поливаново такъ часто, какъ только ему позволяли многочисленныя и разнообразныя его занятія въ управѣ и въ другихъ учрежденіяхъ.

Но такое счастливое положеніе Поливановской школы продолжалось не долго. П. М. Цейдлеръ, тяжко заболѣвъ въ концѣ 1872 г., скончался въ началѣ 1873-го. Большой утратой для школы была и смерть, особенно любимаго воспитанниками, преподавателя Н. И. Мясоѣдова. Все это, какъ и послѣдовавшая смѣна директоровъ, отозвалось извѣстнымъ разстройствомъ школы и отчасти нѣкоторой распущенностію воспитанниковъ. Только со вступленіемъ въ должность директора А. И. Гольденберга, занятія въ семинаріи установились въ правильномъ порядкѣ. Въ промежуточное, переходное время Д. А., чтобы поддержать по возможности нормальный строй заведенія, цѣлыя недѣли проводилъ въ Поливановѣ, ободряя преподавателей, слѣдя за занятіями воспитанниковъ и занимаясь съ ними самъ, своимъ личнымъ вліяніемъ противодѣйствуя нарушенію необходимой дисциплины.

Этимъ не ограничивались, однако, заботы Д. А. по подготовкѣ для школъ надлежащаго преподавательскаго персонала. Вдумчивость и безпристрастіе его въ рѣшеніи касающагося этого вопроса, проявлявшаяся, впрочемъ во всей его дѣятельности, сказалась здѣсь, между прочимъ, въ измѣненіи взгляда его на значеніе учительницъ. Такъ, въ декабрскую сессію 1868 г. онъ утверждалъ, что назначеніе въ школы учительницъ, вмѣсто учителей, не встрѣтитъ сочувствія и довѣрія въ средѣ населенія, но затѣмъ, убѣдившись въ противномъ, онъ не стѣснялся отказаться отъ этого мнѣнія, и въ собраніе 1869 г. внесъ предложеніе объ учрежденіи 30 стипендій для образованія учительницъ. Изъ приведеннаго выше указанія на установленіе со стороны губернскаго земства приплатъ учительскому персоналу видно, что Д. А. придавалъ также большое значеніе въ постановкѣ школьнаго дѣла и положенію учителей. Принимая близко къ сердцу ихъ интересы и полагая, что только при обезпеченіи ихъ матеріальнаго положенія можно требовать надлежащей постановки школьнаго дѣла, Д. А., въ очередную сессію собранія въ 1869 г., внесъ предложеніе объ образованіи особаго училищнаго фонда для будущаго обезпеченія содержаніемъ и поощренія учителей и учительницъ, образуемыхъ на счетъ губернскаго земства. Не ограничиваясь этимъ матеріальнымъ содѣйствіемъ, Д. А. принималъ мѣры къ устройству учительскихъ курсовъ, для поднятія образовательнаго уровня учителей, которому придавалъ большое значеніе въ видахъ подъема уровня вообще школьнаго образованія. Всѣ эти заботы Д. А. объ учительскомъ персоналѣ, вполнѣ объясняютъ, что въ привѣтствіяхъ, обращенныхъ къ Д. А. земскими учителями и учительни-

цами въ день его юбилея, о немъ говорится, какъ о человѣкѣ, „оказывающемъ учителямъ поддержку нравственную и матеріальную“; его называютъ тамъ „истиннымъ покровителемъ учителей, облегчающимъ трудную ихъ педагогическую дѣятельность своимъ участливымъ вниманіемъ“.

XI.

Приведенныя немногія указанія объ отношеніи Д. А. къ вопросамъ народнаго образованія не прибавляютъ ничего новаго къ той характеристикѣ его, которую можно сдѣлать на основаніи предшествующихъ данныхъ. Не коснуться этого, однако, нельзя было въ виду того значенія, которое придавалъ самъ Д. А. заботамъ земства о народномъ просвѣщеніи. Продолжать далѣе указанія объ отношеніи Д. А. къ другимъ задачамъ земства, значило бы повторять многое изъ того, что будетъ безпрестанно встрѣчаться на протяженіи всего свода постановленій земства за 27 лѣтъ предсѣдательства Д. А. въ губернской управѣ. Между тѣмъ, приведеннаго до сихъ поръ достаточно, чтобы видѣть чѣмъ жилъ и какъ дѣйствовалъ Д. А. въ теченіе отмѣченнаго періода его жизни, чтобы уяснить себѣ въ чемъ заключалось значеніе его, что цѣнило въ немъ собраніе, избирая его въ теченіи 9-ти трехлѣтій на трудный и отвѣтственный постъ предсѣдателя губернской управы. Впрочемъ, свидѣтельствовать объ этомъ всего лучше можетъ само собраніе. Въ сессію губернскаго земскаго собранія 1885 г., совпавшаго съ двадцатилѣтіемъ предсѣдательства Д. А въ засѣданіи 10 декабря гласный А. А. Оленинъ высказалъ слѣдующее:

„20 лѣтъ тому назадъ въ этихъ самыхъ залахъ происходили первые выборы губернскимъ собраніемъ своихъ дѣятелей въ составъ губернской управы. На этомъ собраніи былъ избранъ почтеннѣйшій Д. А. Наумовъ на должность предсѣдателя губернской управы, въ которой онъ продолжаетъ и до сихъ поръ быть тѣмъ же достойнымъ уваженія неутомимымъ труженикомъ. Въ теченіе 20 лѣтъ его службы, онъ лично работалъ, безъ преувеличенія можно сказать, безъ отдыха и такъ умѣло выбиралъ годныхъ на дѣло людей, что дѣятельность московскаго губернскаго земства ставитъ его на очень почетную высоту. Д. А. Наумову, главнымъ образомъ, земство обязано скорымъ и правильнымъ разрѣшеніемъ весьма многихъ вопросовъ, относящихся до земскаго хозяйства. Въ земскихъ комиссіяхъ, тамъ, гдѣ руководитъ дѣломъ Д. А. Наумовъ—всегда выдающійся успѣхъ составляющій гордость земскаго собранія. Укажу на нѣкоторыя только части земскаго дѣла: народное образованіе, санитарная часть, больничное дѣло, статистическій отдѣлъ и любой: вездѣ правильная постановка дѣла и движеніе, вызывающія благодарность къ главному земскому дѣятелю Дмитрію Алексѣевичу Наумову“.

Д. А. отвѣтилъ на это слѣдующее: „Я одинъ въ полѣ не воинъ; если есть успѣхи въ томъ, что сдѣлано, то это благодаря трудамъ и дружному

содѣйствію всѣхъ гласныхъ и потому, что губернская управа въ составѣ всѣхъ ея членовъ, стремилась къ одному: достичь пользы общей, устраняя вопросы самолюбія; я же, глубоко преданный земскому дѣлу, старался быть работникомъ для земства по мѣрѣ силъ". Въ этомъ отвѣтѣ Д. А. просто, но, точно оттѣнилъ значеніе коллегіальности въ земскомъ самоуправленіи и своего личнаго отношенія къ дѣлу и постановленіямъ собранія, правдивымъ истолкователемъ и строгимъ исполнителемъ которыхъ онъ стремился быть, толкуя ихъ всегда въ смыслѣ наибольшей общей пользы.

Въ отвѣтъ на это Собраніе единогласно выразило свою искреннюю и глубокую признательность Д. А. за его двадцатилѣтнюю плодотворную дѣятельность въ должности предсѣдателя управы;, въ туже сессію въ засѣданіи 14 декабря собраніе также единогласно приняло предложеніе гл. П. А. Ахлестышева: присвоить вновь устраиваемой въ с. Кузьминскомъ (имѣніи Д. А.) лѣчебницы на границѣ 4-хъ уѣздовъ имя лѣчебницы Д. А. Наумова. Характерно при этомъ для Д. А. что съ исполненіемъ этого послѣдняго постановленія онъ не торопился, хотя тутъ почва была вполнѣ готова и выяснять ничего не оставалось: Лѣчебница долженствовавшая именоваться „Наумовской" была открыта лишь въ 1889 году. Выстроена эта лѣчебница на землѣ подаренной земству Д. А.

12 января 1889 года, въ послѣднее засѣданіе очередной сессіи 1888 г., старѣйшій гласный Г. В. Грудевъ прочелъ слѣдующее предложеніе: „нижеподписавшіеся губернскіе гласные, ознакомившись съ дѣятельностію Московскаго земства, пришли къ убѣжденію, что какъ все прошедшее, такъ и настоящее этого земства своимъ успѣхомъ и плодотворными результатами обязано во многомъ энергіи и постоянной дѣятельности, Дмитрія Алексѣевича Наумова, занимающаго съ самаго начала открытія земства руководящій постъ предсѣдателя губернской управы. Вслѣдствіе этого, и оканчивая въ настоящее время срокъ своихъ полномочій, имѣютъ честь предложить губернскому собранію помѣстить въ помѣщеніи губернской земской управы портретъ Дмитрія Алексѣевича Наумова". Собраніе, принявъ предложеніе, поручило губернской управѣ его исполнить и помѣщеніе управы украсилось портретомъ Д. А., писаннымъ съ натуры художникомъ Н. Е. Рачковымъ. Помѣщенная передъ настоящей біографіей фотографія Д. А. представляетъ снимокъ съ этого портрета.

Въ слѣдующую очередную сессію въ засѣданіи 22 декабря 1889 г. гласный Д. Н. Шиповъ обратился къ собранію съ слѣдующей рѣчью:

„Господа: Съ нынѣшней сессіи Московское губернское земство вступаетъ въ 25-й годъ своего существованія. Не хвалясь, но съ чувствомъ спокойнаго сознанія исполненнаго долга, Московское губернское земство можетъ оглянуться на протекшую дѣятельность свою, на результаты, которые оно не можетъ не признать многозначительными. Но, признавая это, земское собраніе не можетъ игнорировать того, кому оно обязано правильной

постановкой земскаго дѣла въ губерніи. Я говорю о томъ лицѣ, которое начало свою дѣятельность одновременно съ открытіемъ земства и которое въ теченіе 24-хъ лѣтъ руководило земскимъ дѣломъ и съумѣло его организовать и поставить на правильныхъ началахъ. Я говорю о почтенномъ предсѣдателѣ губернской земской управы Дмитріѣ Алексѣевичѣ Наумовѣ. Пройти четверть-вѣковую дѣятельность его молчаніемъ крайне нежелательно и не представляется возможнымъ въ виду существующаго въ собраніи всѣмъ извѣстнаго сочувствія и уваженія къ личности почтеннаго предсѣдателя управы. По этому я позволю себѣ предложить собранію не сдѣлаетъ ли оно постановленія, ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи праздновать юбилей четверть-вѣковой дѣятельности Дмитрія Алексѣевича".

Предложеніе это принято единогласно.

Въ засѣданіи 7 іюля 1890 года избрана коммиссія, по составленію совмѣстно съ управою программы юбилея, въ составъ которой вошли кн. П. Н. Трубецкой, В. И. Ершовъ, кн. А. Г. Щербатовъ, Д. Н. Шиповъ и Н. А. Алексѣевъ, а въ слѣдующемъ засѣданіи 14 іюля приняты предложенія коммиссіи объ установленіи преміи имени Д. А. за лучшія сочиненія по предметамъ, подлежащимъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій, и касающихся экономическаго быта населенія, ходатайствовать о присвоеніи лѣчебницѣ въ с. Кузьминскомъ наименованія „Наумовской", о составленіи адреса Д. А. отъ имени Московскаго губернскаго земскаго собранія и о порученіи коммиссіи установить точную программу юбилейнаго празднованія и приведеніи ея въ исполненіе.

Въ день юбилея 6 октября въ помѣщеніи Московской губернской земской управы собрались: губернскій и уѣздные предводители дворянства Московской губерніи, губернскіе гласные, представители отъ уѣздныхъ управъ, депутаты отъ учрежденій и ученыхъ обществъ и служебный персоналъ губернской управы. Послѣ молебствія, въ которомъ участвовалъ хоръ воспитанницъ женской учительской семинаріи, присутствующими въ томъ числѣ Московскимъ губернаторомъ и вице-губернаторомъ, предводителями дворянства и представителями учрежденій и ученыхъ обществъ принесены поздравленія Д. А. Прочитаны были многочисленные адресы и телеграммы. Юбилейное торжество посѣтилъ и принесъ поздравленіе Д. А. Московскій генералъ-губернаторъ кн. В. А. Долгорукій и прочитана полученная въ концѣ празднества телеграмма завѣдывающаго Собственной Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы канцеляріею и секретаря Ея Величества слѣдующаго содержанія:

„Государыня Императрица поздравляетъ Васъ по случаю 25-лѣтняго служенія Вашего предсѣдателемъ управы и благодаритъ искренно за постоянное сочувствіе состоящей подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества женской учительской семинаріи, которая обязана земству содержаніемъ стипендіатокъ и заботами объ устройствѣ дальнѣйшей судьбы ученицъ".

Всего было поднесено Д. А. въ этотъ день отъ различныхъ обществъ, учрежденій и земствъ 31 адресъ, въ которыхъ характеризовалась его земская дѣятельность слѣдующими чертами: Д. А. „чутко прислушивался къ нуждамъ и требованіямъ жизни“; жизнь Московскаго земства началась, благодаря участію Д. А. „вдумчиво и осмотрительно“ и такою осталась, „степенно, разумно развивалась она только съ наличными и нарождающимися потребностями общественными и безъ скачковъ и уклоненій двигалась впередъ“; „умудренный опытомъ, чуткій къ истинѣ умъ Д. А. выше всего ставилъ правду, науку и общественность“, ставя цѣлью прочный союзъ науки съ жизнью; „при высшей законной и нравственной принципіальности, Д. А. вносилъ во все идею народной пользы“; Д. А. постоянно направлялъ къ усовершенствованію и преуспѣянію земское дѣло; въ своемъ началѣ „земство обязано ему уясненіемъ взгляда на дѣло земства“; въ дальнѣйшемъ развитіи Д. А. „каждую возникавшую новую идею подвергалъ строгому анализу и послѣ всесторонняго, глубокаго обсужденія предлагалъ сотрудникамъ по дѣятельности въ ясной, сознательной формѣ, съ указаніемъ мѣръ проведенія ея въ жизнь“. Эта послѣдняя характеристика значенія Д. А. находится въ адресѣ одного изъ уѣздныхъ земствъ, заканчивающихъ ее слѣдующимъ обращеніемъ къ Д. А.: „И существо предмета, и практическое его примѣненіе къ жизни, и уясненіе средствъ, способовъ и цѣлесообразности примѣненія всецѣло создано Вашими двадцатипятилѣтними высокопросвѣщенными трудами, заботами и усердіемъ“. Другое уѣздное земству, отмѣчая, что Д. А. всякими зависящими отъ него средствами поощрялъ работу уѣздныхъ земствъ, выставляетъ на видъ „теплое отношеніе, которое встрѣчали крестьянскія нужды“ и ставитъ въ заслугу Д. А., что онъ „привлекалъ лучшія силы“. Въ адресѣ же Московскаго Губерскаго земства говорится: „Ваша земская дѣятельность, Д. А. настолько связано съ дѣятельностью всего земства Московской губерніи, что отдѣлять одну отъ другой не представляется возможности. Не было ни одного вопроса, въ разработкѣ и проведеній коего въ жизнь Вы бы не принимали самаго горячаго участія“.

Помимо привѣтствій, выраженныхъ въ поднесенныхъ Д. А. письменыхъ адресахъ, а также многихъ, словесныхъ привѣтствій, въ день юбилея было прислано Д. А. 84 привѣтственныя телеграммы изъ разныхъ мѣстъ Россіи, почти отъ всѣхъ губернскихъ земствъ, многихъ уѣздныхъ и отъ разныхъ лицъ и учрежденій, такъ что юбилейное торжество Д. А. носило, можно сказать, всероссійскій характеръ; это тѣмъ болѣе должно быть отмѣчено, что о днѣ юбилея, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не было сдѣлано заблаговременно никакихъ офиціальныхъ объявленій, не разсылалось никакихъ офиціальныхъ приглашеній, такъ что очевидно земская Русь сама, такъ сказать, выжидала этотъ день, чтобы, принять участіе въ чествованіи человѣка, котораго считала болѣе чистымъ выразителемъ земской идеи. Она чествовала въ немъ, какъ говорится въ адресѣ тверскаго губернскаго

земства: „ достойнаго представителя самыхъ существенныхъ и высокихъ интересовъ земства и твердаго охранителя его самостоятельности“, или же, какъ было выражено въ тотъ же день въ привѣтствіи отъ новгородскаго губернскаго земства: „оно бьетъ челомъ выдающемуся земскому дѣятелю, воплотившему въ себѣ лучшія качества земскаго человѣка и борца за общественную пользу; древній Новгородъ, нѣкогда покоренный Москвою, теперь преклоняется предъ ея духовными силами и привѣтствуетъ одного изъ лучшихъ ея сыновей“.

Вечеромъ того же дня, т. е. 6 октября 1890 г., Д. А. чествовали обѣдомъ какъ губернскіе гласные, такъ и многочисленные почитатели. На этомъ обѣдѣ одинъ изъ старѣйшихъ гласныхъ кн. А. А. Щербатовъ обратился къ Д. А., между прочимъ, съ такими словами: „оберегая постоянно достоинство земства, пользуясь всѣми правами, ему закономъ предоставленными, и не переходя границъ, ему закономъ опредѣляемыхъ, Вы какъ опытный кормчій вели ввѣренное Вамъ судно ровнымъ ходомъ, избѣгая отмелей и подводныхъ камней“.

Служащіе въ Управѣ и подвѣдомственныхъ ей учрежденіяхъ не удовлетворились обѣденнымъ чествованіемъ Д. А. 6 октября; они пожелали почтить его болѣе семейнымъ образомъ, для чего по ихъ иниціативѣ была устроена трапеза на другой день 7 октября, на которую и былъ приглашенъ Д. А.; въ этомъ чествованіи его приняли участіе и члены Управы.

XII.

Чтобы уяснить себѣ такое желаніе со стороны служащихъ земству— почтить Д. А. еще особеннымъ, болѣе семейнымъ образомъ, надо отмѣтить здѣсь его отношеніе ко всѣмъ сотрудникамъ; безъ обрисовки этого не достанетъ многихъ чертъ въ изображеніи дѣятельности Д. А.

Выше уже приведено указаніе одного изъ адресовъ, что Д. А. „привлекалъ лучшія силы“. Къ этому слѣдовало бы добавить: „и создавалъ лучшія силы“.

При выборѣ служащихъ Д. А. всегда отдавалъ предпочтеніе молодымъ; поего мнѣнію недостатокъ опыта въ молодыхъ служащихъ и даже промахи ихъ въ дѣлѣ, земству сторицею окупятся, если они не будутъ заражены традиціями стариннаго дореформеннаго чиновничества. Какъ примѣръ подобнаго отношенія къ служащимъ можно привести организацію Д. А. дорожнаго отдѣла по завѣдыванію казенными шоссе. Какъ только состоялось соглашеніе съ М-мъ П. Соб., Д. А. тотчасъ же обратился въ Директору Института Инженеровъ Путей Сообщенія и по его рекомендаціи приглашены были для завѣдыванія казенными шоссе молодые инженеры прямо со школьной скамьи. Со служащими Д. А. держался весьма просто и былъ доступенъ всѣмъ и каждому и часто между дѣломъ велъ съ ними частныя бесѣды; такое отношеніе къ служащимъ обусловливало полную

откровенность со стороны послѣднихъ, такъ что въ случаяхъ какихъ либо промаховъ или ошибокъ по службѣ Д. А. узналъ объ этомъ немедленно. Къ ошибкамъ и промахамъ служащихъ Д. А. всегда относился снисходительно, а въ тѣхъ случаяхъ когда эти ошибки дѣйствовали удручающимъ образомъ на самаго служащаго, Д. А. всегда умѣлъ ободрить его, не останавливаясь для этого и передъ шуткою.

При полученіи тѣхъ или иныхъ сообщеній о неправильной дѣятельности врачебнаго персонала напр., Д. А. не торопился съ обвиненіями. Какъ и во всемъ, онъ и въ такихъ случаяхъ прежде всего старался разъяснить дѣло, и разъ оно было ясно, то никакія просьбы и вліянія не могли измѣнить его рѣшенія; были случаи, когда серьезныя обвиненія врачей людьми вліятельными, обвиненія оказавшіяся плодомъ неправильныхъ толкованій дѣйствій врача, Д. А. не доводилъ даже до свѣдѣній обвинявшихся лицъ.

Подобное отношеніе Д. А. порождало въ каждомъ служащемъ неопровержимую увѣренность, что онъ не лишится своихъ занятій безъ серьезныхъ къ тому основаній и промаховъ съ своей стороны, что, конечно, отражалось самымъ лучшимъ образомъ на отношеніи служащихъ къ дѣлу и повышало или же и прямо создавало въ нихъ интересъ къ нему. На это же вліяло и то обстоятельство, что именно интересъ къ дѣлу ради дѣла, Д. А. и цѣнилъ въ служащихъ, относясь крайне снисходительно къ довольно серьезнымъ иногда неумѣстнымъ дѣйствіямъ относительно его самого. Примѣромъ этого можетъ служить такой случай, когда одинъ изъ служившихъ въ то время въ Управѣ лицъ, занимавшій далеко не отвѣтственный постъ, но бывшій усерднымъ и старательнымъ работникомъ, находясь въ довольно возбужденномъ состояніи и не особенно приглядномъ костюмѣ обратился на улицѣ къ Д. А. съ какими то совершенно не идущими къ дѣлу заявленіями. Видя состояніе этого лица и не зная какъ отдѣлаться отъ него, Д. А. поспѣшилъ сѣсть на извощика и скрыться отъ него. А затѣмъ на другой день завѣдующему того отдѣленія, гдѣ служило упомянутое лицо, сообщилъ лишь и притомъ въ формѣ скорѣе похожей на извиненіе—что повтореніе такихъ случаевъ неудобно и потому нельзя ли какъ нибудь предупредить ихъ, не увольняя на этотъ разъ служащаго. Понятное дѣло какъ долженъ былъ относиться такой служащій къ Д. А., когда ему было сообщено о его поступкѣ, о которомъ онъ и самъ не помнилъ и указано какъ Д. А. отнесся къ нему: заявленіе Д. А., въ которомъ звучало твердое сознаніе неумѣстности происшедшаго, въ тоже время ясно говорило, что онъ не желаетъ, чтобы это служило поводомъ, къ удаленію служащаго, о долговременной и усердной службѣ котораго ему было извѣстно; и конечно служащій не былъ удаленъ, а продолжалъ благополучно работать послѣ того еще нѣсколько лѣтъ въ Управѣ. Еще характернѣе другой примѣръ. Разъ Д. А. экстренно понадобилась справка изъ одного дѣла Управы, для чего онъ

и пріѣхалъ въ Управу въ 11 ч. вечера и послалъ за тѣмъ лицомъ, на рукахъ у котораго находилось соотвѣтствующее дѣло. Служащій, потревоженный въ поздній часъ, конечно, былъ недоволенъ этимъ и доставая изъ шкапа нужное дѣло и не замѣчая, что Д. А. стоитъ сзади него, громко и весьма рѣзко выразился по адресу Д. А. Тогда Д. А. незамѣтнымъ образомъ удалился въ комнату присутствія, а когда черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, служащій, не подозрѣвавшій, что Д. А. слышалъ его выраженія, принесъ Д. А. справку, то онъ спокойно сказалъ ему: „Вы бы №№ другой разъ потише ругались, а то такъ неудобно". На этомъ весь инцидентъ и закончился, нисколько не повліявъ на отношеніе Д. А. къ этому служащему, который еще много лѣтъ послѣ того продолжалъ служить въ Управѣ. Но если такъ добродушно—снисходительно относился Д. А. къ проявленіямъ, касающимся его личности, то тѣже служащіе получали со стороны Д. А. иногда довольно рѣзкія замѣчанія, когда это касалось дѣла, при чемъ эта рѣзкость была проявленіемъ той нервности, горячности, съ которой Д. А. самъ относился къ дѣлу. Въ существѣ же его отношеніе ко всѣмъ лицамъ было въ основѣ своей глубоко гуманнее, совершенно чуждое, однако, какой либо тѣни сентиментальности или расплывчатой мягкости.

Не мало, затѣмъ, можно было бы привести примѣровъ, когда служащій, почему-либо представившійся непригоднымъ или неудобнымъ въ одномъ отдѣлѣ, получалъ занятія въ другомъ, коль скоро Д. А. былъ увѣренъ въ добросовѣстномъ отношеніи такого служащаго къ своему дѣлу. Такому образу дѣйствій способствовало много то обстоятельство, что Д. А. отлично зналъ всѣхъ служащихъ, зналъ кто что дѣлаетъ и какъ дѣлаетъ. Это тѣмъ болѣе характерно, что Д. А. самъ лично выбиралъ и приглашалъ только завѣдующихъ отдѣлами и занимающихъ тотъ или другой отвѣтственный постъ. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливо, что онъ умѣлъ привлекать лучшія силы, если имѣть въ виду, что въ числѣ лицъ, служившихъ при немъ земству были такія силы, какъ покойный В. И. Орловъ, бывш. проф. Ѳ. Ѳ. Эрисманъ, Е. А. Осиповъ, В. Ф. Нагорскій. Нужно замѣтить при этомъ, что Д. А. крайне дорожилъ приглашеніемъ такихъ лицъ, которыхъ онъ считалъ вполнѣ пригодными для дѣла; если согласіе такого лица на сдѣланное приглашеніе оставалось почему либо нѣкоторое время подъ вопросомъ, то Д. А. проявлялъ самое серьезное безпокойство и сильно волновался, пока такое согласіе не получалось. Приглашеніе всего остального персонала лежало всецѣло на завѣдующихъ, которыхъ Д. А. не считалъ возможнымъ стѣснять относительно того, съ кѣмъ вмѣстѣ имъ вести дѣло. Поэтому и въ томъ случаѣ, когда завѣдующій не считалъ возможнымъ вести дѣло съ тѣмъ или другимъ лицомъ, приглашеннымъ нерѣдко прежнимъ завѣдующимъ, Д. А. и не считалъ возможнымъ настаивать на оставленіи служащаго въ этомъ отдѣлѣ, но зная такого служащаго за дѣльнаго человѣка, устраивалъ ему подходящее

занятіе въ другомъ отдѣлѣ. Знаніе же всѣхъ служащихъ объяснялось тѣмъ, что Д. А. не только не оставался чуждъ дѣятельности какого-либо изъ отдѣловъ, но постоянно живо интересовался всѣми дѣлами управы, для чего входилъ въ частыя и продолжительныя бесѣды съ завѣдующими отдѣлами. При этихъ бесѣдахъ, знакомясь съ тѣмъ, что дѣлается, какъ распредѣляется работа и т. п. онъ узнавалъ и исполнителей ея. Но это никогда не носило характера провѣрки занятій отдѣленія. Это вытекало изъ живого интереса къ дѣлу и дѣятелямъ; бесѣды эти не всегда касались только земскихъ дѣлъ, а переходили и на другую почву, что вырабатывало живое общеніе между Д. А. и всѣми сотрудниками. Онъ интересовался отношеніемъ каждаго лица къ дѣлу, и подобно тому какъ въ собраніи онъ такъ сказать не навязывалъ своего, а выяснялъ себѣ отношеніе самого собранія къ вопросу, такъ и тутъ онъ выяснялъ себѣ отношеніе работниковъ къ ихъ дѣлу. И разъ онъ убѣждался въ серьезномъ и внимательномъ отношеніи къ дѣлу, онъ выслушивалъ всякія мнѣнія и возраженія; характерно при этомъ то, что Д. А. въ случаѣ выраженія въ такихъ бесѣдахъ взгляда на дѣло, несогласнаго съ его воззрѣніемъ, не особенно настойчиво приводилъ доводы въ пользу существующей практики, онъ больше выслушивалъ то что ему говорилось, выражалъ несогласіе, но рѣдко выступалъ съ прямыми опроверженіями; въ этомъ сказывалось именно стремленіе уяснить себѣ дѣло; слушая возражавшаго, Д. А. какъ бы про себя прикидывалъ эти возраженія къ сложившемуся у него мнѣнію, уяснялъ себѣ основы несогласія; бывало даже и такъ, что Д. А. какъ бы надоѣдало выслушивать одни и тѣ же настоянія все объ одномъ и томъ же, и онъ переводилъ разговоръ на другое, или что называется, отшучивался; но въ дѣйствительности это не было равнодушіемъ или обиднымъ пренебреженіемъ; это скорѣе служило, повидимому, выраженіемъ того, что Д. А. еще не переработалъ выслушанныхъ имъ доводовъ и самъ занятъ обдумываніемъ того же; или наоборотъ—переработалъ ихъ вполнѣ и они его не убѣдили; но можно бы привести много примѣровъ, когда продолжающаяся настойчивость, подкрѣпляемая новыми и новыми данными, новымъ матеріаломъ, измѣняла взглядъ Д. А. и тогда убѣдившись въ томъ, съ чѣмъ ранѣе былъ несогласенъ, онъ уже дѣйствовалъ неуклонно и послѣдовательно, сообразно усвоенному взгляду. Вотъ это то далекое отъ всякаго личнаго самолюбія объективное отношеніе Д. А. къ дѣлу и мнѣніямъ, эта способность его выслушивать всякое серьезное мнѣніе, дѣлали то, что каждое лицо стоявшее во главѣ какой-либо серьезной отрасли земской дѣятельности чувствовало, что его инициатива въ дѣлѣ никѣмъ не подавляется, что успѣхъ дѣла зависитъ отъ того насколько онъ самъ съумѣетъ войти въ дѣло и освѣтить его. Д. А. являлся въ этомъ случаѣ не тормазомъ, а лучшимъ союзникомъ, который заставитъ разработать вопросъ такъ, чтобы освѣтить его во всѣхъ отношеніяхъ ко всѣмъ остальнымъ частямъ земской дѣятельности и тѣмъ придать ему настоящее положеніе.

Создаваемый этимъ просторъ для проявленія личной инициативы и увѣренность, что иниціатива эта, умѣряемая такимъ мудрымъ руководителемъ какъ Д. А., не повредитъ дѣлу, конечно вели къ тому, что, такъ сказать, въ школѣ Д. А. создавались силы для истинно земскаго веденія дѣла.

Такимъ образомъ, постоянное, такъ сказать, непринужденное общеніе Д. А. съ своими сотрудниками, не мало способствовало тому, что вырабатывалось не только сознаніе, но и чувство общности всего земскаго дѣла у всѣхъ работавшихъ въ немъ. Это имѣло не только громадное воспитательное вліяніе, въ особенности на новыя, молодыя силы, но и большое значеніе для непосредственнаго земскаго дѣла. Выслушивая объясненія относительно исполненія того или другого дѣла отъ исполнителя его, вникая во всѣ мелочи его, проявляя живой интересъ къ нимъ, Д. А., можетъ быть, и не имѣя прямо того въ виду, уяснялъ лицу, съ которымъ онъ говорилъ, значеніе того или другого дѣйствія, обращая самъ въ разговорѣ и вопросахъ вниманіе на то или другое,—вызывалъ невольно мысль о томъ, почему и для чего нужно то или другое, заставлялъ вникать въ дѣло, вызывалъ болѣе глубокій и сознательный новый интересъ къ нему, въ результатѣ чего дѣлалось уже, такъ сказать, произвольно, „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“, какъ любилъ выражаться самъ Д. А., то, что, можетъ быть, иначе не было бы сдѣлано. Это то и создавало новыя силы для земскаго дѣла. Для самого же Д. А, такое непринужденное общеніе со всѣми болѣе или менѣе самостоятельными исполнителями тѣхъ или другихъ порученій управы, имѣло значеніе въ томъ отношеніи, что онъ усваивалъ себѣ всѣ детали даже чисто спеціальныхъ отраслей хозяйства.

Такъ, напр. не будучи врачемъ, онъ являлся въ курсѣ врачебно-санитарныхъ дѣлъ, и его аргументировка въ этомъ отношеніи была всегда полна и соотвѣтствовала во всѣхъ своихъ деталяхъ сущности дѣла и основаніямъ, положеннымъ въ развитіе организаціи. И врачи не безъ основанія называли его старѣйшимъ земскимъ врачемъ Московской губерніи. На съѣздахъ врачей, засѣданія которыхъ онъ посѣщалъ настолько аккуратно, что не пропустилъ ни одного изъ нихъ, приходя почти первымъ и уходя послѣднимъ, онъ не только съ интересомъ слѣдилъ за обсужденіемъ вопросовъ, но участвовалъ постоянно и въ преніяхъ. Такое же дѣятельное участіе онъ принималъ и во всѣхъ другихъ совѣщаніяхъ по земскимъ вопросамъ. Участіе это, при совѣщаніяхъ спеціалистовъ, всегда склонныхъ преувеличивать значеніе своего дѣла, было особенно существенно въ томъ отношеніи, что Д. А, обращалъ особенное вниманіе на отношеніе какого либо отдѣльнаго предмета къ общему, на отношеніе отдѣльнаго вопроса ко всей совокупности земскаго дѣла вообще, умѣло, толково разъяснялъ это и тѣмъ устанавливалъ настоящее мѣсто каждаго вопроса, вырабатывая, такимъ образомъ, и въ спеціалистахъ, обще-земскую

точку зрѣнія. При этомъ все это дѣлалось въ такой формѣ, что въ концѣ концовъ, даже обижаясь и сердясь на него за тѣ или другія урѣзки въ смѣтахъ напр., обиженные соглашались, что Д. А. былъ правъ. Смѣты напр. по содержанію и ремонту лѣчебницъ составлялись на совѣщаніи врачей, всегда подъ предсѣдательствомъ Д. А. Бережливый въ личной жизни и бережно относившійся къ земскимъ средствамъ, а также принимавшій въ соображеніе всѣ смѣтныя назначенія по отдѣльнымъ статьямъ и общую сумму бюджета, а также условія проведенія той или другой смѣты въ собраніи, настроеніе котораго для каждаго даннаго момента, онъ отлично улавливалъ, Д. А. при составленіи смѣты бралъ во вниманіе всѣ мелочи, нерѣдко самъ чертилъ планы больницъ, чтобы возможно экономизировать постройку, подробно переговаривалъ по этому поводу предварительно съ отдѣльнымъ врачемъ, или завѣдующимъ отдѣломъ, до котораго относилась та или другая смѣта, мягко, но настойчиво, такъ сказать, выторговывалъ изъ предположенной смѣты, чтобы убѣдиться насколько то или иное предположеніе существенно и неотложно, а въ иныхъ случаяхъ прямо просилъ въ виду величины расхода и положенія дѣла повременить до слѣдующаго года.

Вообще можно сказать, что подобно тому, какъ у Д. А. не было формальнаго отношенія къ дѣлу, такъ его не было и къ лицамъ, которыя работали вмѣстѣ съ нимъ на одной общей земской нивѣ. Это то и порождало ту личную симпатію къ нему, которую служащіе и пожелали выразить ему, семейнымъ образомъ, не стѣсняемыя присутствіемъ лицъ постороннихъ обычной, ежедневной текущей земской работѣ. Судить о томъ, что именно цѣнили служащіе въ Д. А., чѣмъ онъ былъ дорогъ для нихъ, можно и по тѣмъ привѣтствіямъ, которыя были обращены къ нему въ день его юбилея 6 октября 1890 г. Въ адресѣ земскихъ врачей говорится: «Семья врачей привыкла видѣть въ Васъ постояннаго и неизмѣннаго участника въ своихъ коллегіальныхъ работахъ; Вы были самымъ дѣятельнымъ, самымъ заинтересованнымъ сотрудникомъ въ усиліяхъ изысканія возможно лучшихъ путей къ удовлетворенію народныхъ санитарныхъ нуждъ и практическаго разъясненія вновь выступавшихъ, подъ часъ крайне замысловатыхъ сельскихъ санитарныхъ вопросовъ». Далѣе указывается на то, что Д. А. проявлялъ всегда „довѣріе къ трудящимся на земскомъ поприщѣ“. Въ адресѣ отъ служащихъ губернскому земству также отмѣчается: „безпрерывное изо дня въ день неослабѣвающее вниманіе Д. А. къ интересамъ земскаго дѣла и живое отношеніе къ нему“, а затѣмъ указывается на предоставляемый служащимъ „просторъ къ развитію индивидуальныхъ силъ и личной иниціативы на пользу земскаго дѣла“.

Послѣ всего приведеннаго раньше относительно того насколько истинно земскіе принципы проводилъ Д. А. во всей своей дѣятельности, ясно, что его отношеніе къ служащимъ и не могло быть инымъ, что въ основѣ его должно было лежать глубокое уваженіе къ личности каждаго,

такъ какъ вся сила земской дѣятельности заключается именно въ совокупной самодѣятельности отдѣльныхъ индивидуальностей. Какъ это все вліяло на самихъ служащихъ засвидѣтельствовано, между прочимъ, въ адресѣ женщинъ врачей, служившихъ въ Московскомъ земствѣ въ то время или же ранѣе и разбросанныхъ, какъ отмѣчено въ адресѣ, по разнымъ концамъ Россіи. Онѣ называютъ Московское земство второю alma mater. „Здѣсь, заявляютъ онѣ, мы научились видѣть вѣчно живое, вѣчно прогрессирующее направленіе земской медицины, опирающееся на Вашу поддержку и сочувствіе“; „здѣсь, продолжаютъ онѣ, мы нашли солидарныхъ, сплоченныхъ товарищей, считающихъ Васъ своимъ наиболѣе дорогимъ членомъ, здѣсь мы прониклись строго проводимымъ Вами принципомъ экономіи народныхъ средствъ, стремленіемъ употребить эти средства наиболѣе цѣлесообразно и производительно для населенія“.

Если имѣть въ виду, что это говорятъ женщины—врачи, разбросанные по разнымъ концамъ Россіи, то не трудно придти къ заключенію, что Д. А. своей дѣятельностью и личностью проявлялъ воспитательное вліяніе не только въ предѣлахъ Московской губерніи, а имѣлъ значеніе для постановки и хода обще-земскаго дѣла Россіи; отсюда легко понять и тотъ единодушный, не подготовленный откликъ, который его юбилей встрѣтилъ во всей Россіи.

XIII.

Выше неоднократно были приведены свидѣтельства бережнаго отношенія Д. А. къ земскимъ финансамъ. Замѣчено было и относительно того, что Д. А. считался съ настроеніемъ собранія и выжидалъ для проведенія той или другой мѣры момента, когда необходимость ея проникла въ общее сознаніе. При этомъ конечно, проведеніе той или другой мѣры, необходимость которой была достаточно уяснена, не встрѣчала препятствій и въ силу того, что Д. А. умѣлъ поставить финансовую сторону такъ, чтобы не увеличивать земское обложеніе дальше извѣстнаго предѣла, а для этого онъ всегда считался и съ ростомъ земскихъ доходовъ, находившимся въ связи съ ростомъ доходности имуществъ, какъ вслѣдствіе естественнаго развитія производительныхъ силъ, такъ и вслѣдствіе болѣе полнаго выясненія доходности, являвшагося результатомъ, какъ отмѣчено выше, переоцѣнокъ имуществъ. Но былъ одинъ родъ имуществъ, на которыя Д. А. не рѣшался накладывать руку: недвижимыя имущества г. Москвы. Съ обложеніемъ ихъ были связаны интересы значительной части губернскихъ гласныхъ—это гласныхъ отъ города Москвы. Само собой разумѣется, тутъ дѣло было не въ личной заинтересованности гласныхъ и не въ личныхъ отношеніяхъ Д. А., а въ томъ, что связь интересовъ города съ интересами всей губерніи могла представляться не на столько ясной, чтобы необходимость и справедливость такого обложенія представлялась для всѣхъ оче-

видной и безспорной. Отсюда—опасеніе, что привлеченіе недвижимыхъ имуществъ г. Москвы къ обложенію земскимъ сборомъ, можетъ нарушить то правильное теченіе дѣлъ въ собраніи, которое было столь обычнымъ, когда пренія по каждому вопросу вызывались лишь принципіальными разногласіями. Опасаясь, такимъ образомъ, что привлеченіе къ обложенію имуществъ г. Москвы можетъ повести собою и къ нарушенію правильнаго хода земскихъ дѣлъ, вызывая со стороны городскихъ гласныхъ опозицію тому или иному начинанію, связанному съ расходами, изъ нежеланія обременить повышеннымъ обложеніемъ населеніе г. Москвы, Д. А. постоянно воздерживался отъ осуществленія въ этомъ отношеніи того права земства, которое оно имѣло съ самаго открытія земскихъ учрежденій. Опасеніе это основывалось, между прочимъ, на прямомъ знакомствѣ съ тѣмъ какъ относились къ этой мысли многіе изъ гласныхъ, мнѣніе которыхъ цѣнилъ какъ самъ Д. А., такъ и другіе гласные. Поэтому, когда подобное предложеніе возникало въ собраніи Д. А. самъ отклонялъ его. Это, очевидно, и имѣлъ въ виду кн. А. А. Щербатовъ, когда онъ на юбилеѣ Д. А. отмѣтилъ, между прочимъ, что Д. А. умѣлъ избѣгать столкновеній съ Московской Городской Думой. Развившаяся, однако, дѣятельность земства, требовавшая усиленныхъ текущихъ расходовъ, въ особенности же необходимость приступить къ прочной постановки дѣла призрѣнія душевно-больныхъ, что требовало очень большихъ затратъ, заставила, однако, Д. А. въ концѣ концовъ придти къ заключенію о необходимости привлечь къ обложенію и недвижимыя имущества г. Москвы. Въ составленномъ по этому предмету лично Д. А. докладѣ, представленному собранію сессіи 1890 года, управа, объясняя, что съ развитіемъ земскаго дѣла, вести его, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, какими земство располагало въ теченіе истекшихъ двадцати пяти лѣтъ, уже не представляется возможнымъ и что для увеличенія ихъ необходимо или увеличить % обложенія, или привлечь къ земскому обложенію предметы до того времени еще не облагавшіеся, каковы торговыя и промышленныя заведенія въ городѣ Москвѣ. Противъ увеличенія % обложенія управа высказывалася въ виду того, что вся тяжесть его легла бы исключительно на земли и недвижимыя имущества, такъ какъ для обложенія патентовъ и торговыхъ и промышленныхъ документовъ закономъ установленъ опредѣленный размѣръ, въ которомъ они уже и обложены. Въ виду этого управа и предлагала обложеніе торговыхъ и промышленныхъ заведеній города Москвы, до того времени не облагавшихся земскимъ сборомъ.

Хотя предложеніе это и было принято въ собраніи большинствомъ 40 голосовъ противъ 20, но оно вызвало рѣзкія возраженія со стороны многихъ городскихъ гласныхъ. Тотъ характеръ, который носили эти возраженія, отличался такою рѣзкостью, необычайностью и неожиданностью, что произвелъ на Д. А. такое впечатлѣніе, какого онъ ни разу не выносилъ изъ собранія. По окончаніи засѣданія онъ имѣлъ видъ прямо изму-

ченнаго, нервно потрясеннаго человѣка. Это, однако, не остановило его дѣятельности въ томъ направленіи, которое онъ считалъ въ настоящій моментъ соотвѣтствующимъ земскимъ интересамъ. Происходившее черезъ нѣсколько дней вслѣдъ за симъ обсужденіе доклада санитарнаго совѣта относительно устройства призрѣнія душевно-больныхъ возбудило продолжительныя и еще болѣе рѣзкія пренія. Вопросъ этотъ былъ поднятъ въ собраніи еще въ 1877 г., когда собраніе, вслѣдствіе отношенія губернатора о необходимости устройства земскихъ лѣчебницъ для душевно-больныхъ, поручило санитарной комиссіи собрать свѣдѣнія о числѣ душевно-больныхъ въ губерніи, нуждающихся въ призрѣніи и представить соображеніе о способахъ осуществленія лѣчебницы. Коммиссія опредѣлила число больныхъ въ цифрѣ не менѣе 300 и расходы на устройство для нихъ дома, въ 150000 р. и на ежегодное содержаніе ихъ въ 40000 р., и обращая вниманіе на то, что въ виду промышленнаго и торговаго значенія Московской губерніи и стеченія въ нее чрезвычайно разнообразнаго населенія, вопросъ о призрѣніи здѣсь является общегосударственнымъ, предлагала собранію ходатайствовать о томъ, чтобы Московская губернія поставлена была на первую очередь при устройствѣ предположенныхъ окружныхъ домовъ для душевно-больныхъ. Собраніе приняло это предложеніе безъ преній и ходатайство было представлено, но дѣло оставалось безъ дальнѣйшаго движенія до очередной сессіи 1882 года, когда губернское земское собраніе, въ виду открытія Александровской больницы для умалишенныхъ женщинъ, постановило имѣть тамъ 6 земскихъ кроватей съ платою по 300 руб. за каждую, преимущественно для острыхъ больныхъ и буйныхъ, опасныхъ для окружающихъ. Но уже въ теченіе второй половины 1883 года, то есть за первое полугодіе существованія земскихъ коекъ, оказалось, что возвращеніе родственникамъ больныхъ, не подающихъ надежды на излѣченіе, встрѣтило чрезвычайныя затрудненія; опытъ указалъ, что если среди крестьянскаго населенія велико число душевно-больныхъ, нуждающихся въ лѣченіи, то еще болѣе существенная потребность представляется въ призрѣніи неизлѣчимыхъ. Въ декабрьскую сессію 1885 года собраніе, согласно предложенію санитарнаго совѣта, поручило ему дальнѣйшую разработку вопроса объ устройствѣ больницы для умалишенныхъ. Совѣтъ командировалъ одного изъ своихъ членовъ, врача Воскресенской лѣчебницы П. А. Архангельскаго, для ознакомленія съ положеніемъ дѣла въ существующихъ земскихъ психіатрическихъ заведеніяхъ. По собраннымъ совѣтомъ свѣдѣніямъ число душевно-больныхъ въ уѣздахъ опредѣлилось въ 1662 человѣка, въ томъ числѣ 325 требующихъ обязательнаго помѣщенія въ заведеніе. Свѣдѣнія, доставленныя г. Архангельскимъ о ростѣ провинціальныхъ психіатрическихъ заведеній и о положеніи дѣла призрѣнія въ Москвѣ и Петербургѣ, привели къ заключенію, что въ Московской губерніи заведеніе, не считая больныхъ въ городѣ Москвѣ, должно быть разсчитано на 400 человѣкъ.

Ходъ дѣла, какъ показываетъ изложенное, отличался здѣсь такою же

медленностью, обусловливаемой необходимостью обстоятельнаго выясненія вопроса, какъ и вообще въ развитіи врачебнаго дѣла и многихъ другихъ начинаній. Тоже собраніе необходимыхъ свѣдѣній, тоже обращеніе къ спеціалистамъ, тоже выясненіе размѣровъ нужды, тоже опредѣленіе необходимыхъ расходовъ, обсужденіе всѣхъ вопросовъ въ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ спеціалистовъ. Въ данномъ вопросѣ это медленное развитіе его вызывалось даже не столько Д. А., сколько самимъ собраніемъ, которое не могло не относиться крайне осторожно и осмотрительно къ тѣмъ затратамъ, которыя сопряжены были съ правильнымъ устройствомъ призрѣнія душевно-больныхъ. Крайняя осторожность здѣсь являлась тѣмъ болѣе необходимою, что правительствующимъ сенатомъ признано обязательнымъ для земствъ не ограничивать какою либо нормою пріемъ душевно-больныхъ въ содержимыя земствомъ психіатрическія больницы, и что по этому земство, устроивъ свою больницу, ничѣмъ гарантировано отъ наплыва постороннихъ больныхъ.

Экстренное собраніе въ маѣ 1888 года постановило открыть въ Александровской больницѣ 20 кроватей для больныхъ обоего пола и открыло управѣ кредитъ въ 55 т. р. на покупку имѣнія для пріюта душевно-больныхъ, устройство его и содержаніе. Въ пріютъ предполагалось переводить больныхъ, признанныхъ неизлѣчимыми, но не могущихъ быть предоставленными на попеченіе родственниковъ. Однакоже, не смотря на всѣ мѣры, принятыя коммиссіею и главнымъ образомъ лично Д. А., во всемъ этомъ дѣлѣ принимавшимъ самое дѣятельное участіе, крайне остерегавшагося вовлечь земство въ расходы, для него совершенно непосильные, пріобрѣсти подходящее имѣніе, не выходя изъ бюджета не удавалось ни въ 1888, ни въ 1889 году.

Въ докладѣ собранію 1890 г. санитарнымъ совѣтомъ было предложено ассигновать на устройство колоніи 60000 р. Гласный кн. А. А. Щербатовъ, чтобы ускорить осуществленіе призрѣнія душевно больныхъ внесъ предложеніе объ отчисленіи 25000 р. изъ запаснаго капитала на устройство и содержаніе временнаго помѣщенія душевно-больныхъ впредь до открытія колоніи. То и другое было собраніемъ принято. Но затѣмъ послѣдовало предложеніе губернскаго гласнаго, Московскаго городского головы Н. А. Алексѣева объ устройствѣ такого временнаго помѣщенія въ 10-ти дневный срокъ со дня состоявшагося постановленія, что также было принято собраніемъ, пришедшимъ, такимъ образомъ, къ заключенію о необходимости осуществить въ теченіи 10-ти дней то, что подготовлялось болѣе 10-ти лѣтъ. Вслѣдъ за этимъ гл. Алексѣевымъ сдѣланы были, безъ предварительнаго сношенія съ губернской управой и санитарнымъ совѣтомъ, нѣкоторыя распоряженія по устройству земскаго помѣщенія на Ноевской дачѣ. Д. А. находилъ въ такомъ образѣ дѣйствій отступленіе отъ правильнаго порядка, который требовалъ бы, чтобы спрошено было мнѣніе исполнительнаго органа собранія—губернской управы. Хотя затѣмъ

вопросъ разрѣшился, согласно предложенію Д. А., помѣщеніемъ больныхъ при больницѣ Александровской Общины сестеръ милосердія „Утоли моя печали", но предшествовавшія такому исходу дѣла, пренія въ собраніи имѣли характеръ прямыхъ упрековъ управѣ.

Стенографическая запись преній, происходившихъ затѣмъ въ ту же сессію губернскаго собранія по поводу доклада ревизіонной коммиссіи по дорожному дѣлу, свидѣтельствуетъ о крайне рѣзкой формѣ замѣчаній высказанныхъ нѣкоторыми гласными и направленныхъ противъ управы. Такимъ отношеніемъ гласныхъ къ управѣ М. В. Духовской и кн. П. Н. Туркестановъ мотивировали свой отказъ отъ должности членовъ управы въ засѣданіи 15 января 1891 года. Въ засѣданіи 17 января Д. А., указывая на то же, необычное до того времени въ лѣтописи земства Московской губерніи, отношеніе къ дѣлу нѣкоторыхъ гласныхъ и заявляя, что для него дорого не мнѣніе отдѣльныхъ гласныхъ, а мнѣніе собранія, просилъ высказаться угодно-ли собранію, чтобы онъ продолжалъ свою дѣятельность и, не получивъ прямого отвѣта, просилъ уволить его отъ должности предсѣдателя управы, добавивъ, что остальные члены управы также отказываются отъ своихъ должностей. Только по настоятельной просьбѣ собранія и въ виду затруднительности произвести новые выборы въ ту же сессію, члены управы и Д. А. согласились продолжать свои занятія въ управѣ до экстренной,—и, по такой же просьбѣ собранія повторенной въ засѣданіи собранія 2 апрѣля 1891 г.,—до очередной сессіи.

XIV.

Все это породило крайнюю неопредѣленность положенія управы, при очевидной непрочности ея состава, что не могло не отразиться неблагопріятно на всемъ служебномъ персоналѣ. Надъ всѣми тяготѣла мысль—что скоро придется разстаться съ лицомъ, въ теченіе 25-ти лѣтъ стоявшимъ во главѣ учрежденія и что съ перемѣною всего выборнаго состава управы многое должно измѣниться. Кратковременныя отсрочки новыхъ выборовъ не измѣняли этого общаго настроенія.

Самъ же Д. А. ни въ чемъ не отступалъ отъ прежняго порядка своихъ занятій, работая также усердно, также регулярно посѣщая управу и входя во всѣ подробности каждаго дѣла. Передъ засѣданіями собранія онъ, какъ и прежде, проводилъ нѣсколько ночей безъ сна за составленіемъ докладовъ. Заботы Д. А. въ это время главнымъ образомъ были направлены къ осуществленію дѣла призрѣнія душевно больныхъ. Ведя переговоры о покупкѣ имѣнія с. Покровскаго-Мещерскаго, онъ вмѣстѣ съ приглашеннымъ психіатромъ д-ромъ Якобіемъ разрабатывалъ проектъ организаціи всего дѣла. Въ декабрьскую сессію 1891 г., собранію представленъ былъ выработанный санитарнымъ совѣтомъ по соглашенію съ упра-

вой докладъ объ организаціи попеченія о душевно больныхъ, въ окончательной редактировкѣ котораго Д. А. принималъ ближайшее участіе. Докладъ этотъ въ главныхъ его положеніяхъ принятъ былъ собраніемъ.

Вопросамъ народнаго образованія Д. А. по прежнему преимущественно посвящалъ свой трудъ. Въ очередную сессію 1891 года управою былъ внесенъ выработанный Д. А. обширный докладъ, въ которомъ, между прочимъ, изложенны, собранныя при содѣйствіи статистическаго отдѣленія управы, данныя о числѣ дѣтей школьнаго возраста по отдѣльнымъ уѣздамъ и о процентномъ къ нему отношеніи числа посѣщающихъ школы.

Въ томъ же докладѣ намѣчено, въ видахъ пополненія сѣти училищъ, устройство параллельныхъ отдѣленій младшихъ группъ, въ которыхъ преподаваніе могли бы вести окончившіе курсъ бывшіе ученики земскихъ школъ; въ приложеніи къ докладу изложены подробныя свѣдѣнія о ходѣ преподаванія въ земскихъ училищахъ. Вообще по полнотѣ собранныхъ данныхъ и тщательной ихъ разработкѣ, докладъ этотъ представляется исключительнымъ даже въ ряду другихъ подобныхъ работъ Д. А.

Въ ту же сессію собранія внесено М. В. Духовскимъ и принято собраніемъ предложеніе: поручить управѣ въ цѣляхъ внесенія нѣкотораго единства въ мѣропріятіяхъ отдѣльныхъ земствъ по народному образованію и для всесторонняго выясненія условій дальнѣйшаго развитія этого дѣла, устроить совѣщаніе съ предводителями дворянства, предсѣдателями уѣздныхъ управъ и лицами, могущими своимъ совѣтомъ помочь уясненію указанныхъ вопросовъ. Въ работахъ этого совѣщанія и образовавшейся при немъ коммиссіи Д. А., какъ извѣстно, принималъ самое дѣятельное участіе уже и послѣ того, какъ отказался отъ предсѣдательства въ губернской управѣ.

Въ засѣданіи 17 января 1892 г. происходили выборы губернской управы. На должность предсѣдателя управы, за отказомъ отъ баллотировки всѣхъ другихъ предложенныхъ кандидатовъ, баллотировался только одинъ Д. А. и хотя былъ избранъ, но только большинствомъ 3-хъ голосовъ—35-ю противъ 32-хъ. Въ члены управы избранъ одинъ Л. Н. Сазоновъ; на выборахъ повторенныхъ въ мартовскую сессію того же года также одинъ —А. О. Шнейдеръ, и такимъ образомъ управа оставлена въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ.

Хотя такое положеніе управы, при тѣхъ размѣрахъ въ которыхъ уже развилась дѣятельность Московскаго губернскаго земства, конечно не могло считаться нормальнымъ, Д. А. продолжалъ работать по прежнему, съ тою разницею, что на его долю досталось завѣдываніе и частію дорожною и экономическимъ отдѣломъ, которые до того состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи двухъ членовъ управы.

26 марта 1892 г. по предложенію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, созвано было экстренное собраніе для разрѣшенія вопроса о томъ—не будетъ ли достаточно для успѣшнаго веденія дѣлъ—двухъ членовъ управы.

При обсужденіи этого вопроса въ собраніи, предложеніе гласныхъ А. А. Оленина и Ѳ. Д. Самарина—отложить отвѣтъ на предложенный Г. Министромъ вопросъ впредь до представленія управою своего заключенія по этому предмету—большинствомъ голосовъ отклонено. Заключенія Управы въ данномъ случаѣ не было предоставлено потому, между прочимъ, что Д. А. не было въ Москвѣ. Онъ былъ въ это время вызванъ въ Петербургъ, гдѣ представлялся Императору Александру III. При происходившей послѣ предложенія гл. А. А. Оленина и Ѳ. Д. Самарина баллотировкѣ вопроса, 5 гласныхъ признали обязательнымъ для себя воздержаться отъ участія въ баллотировкѣ. Затѣмъ остальными гласными вопросъ разрѣшенъ—большинствомъ всѣхъ противъ одного въ томъ смыслѣ, что существующій составъ управы недостаточенъ. Въ виду этого постановленія составъ управы былъ пополненъ двумя членами по назначенію.

Въ очередную сессію 1892 года, затянувшуюся затѣмъ и продолжавшуюся въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1893 г., внесенъ былъ цѣлый рядъ докладовъ, редактированныхъ Д. А., въ томъ числѣ 2 доклада по вопросамъ народнаго образованія, изъ которыхъ первый представляетъ цѣлую обширную монографію не только по земскимъ школамъ, но и по училищамъ города Москвы.

Въ засѣданіи 23 февраля 1893 года, Д. А. обратился къ собранію съ слѣдующими словами: „27 лѣтъ тому назадъ, губернскому собранію угодно было избрать меня предсѣдателемъ губернской управы и все это время я работалъ сколько было моихъ силъ и умѣнья на пользу земства, при чемъ старался главнымъ образомъ имѣть въ виду одно дѣло и только преданно служить ему. Мнѣ пришлось начинать работать въ то время, когда дѣло было новое, когда приходилось многое создавать, многое устраивать и, съ помощію Божіею, дѣло подвинулось впередъ. Конечно, не мнѣ судить о томъ, хорошо или дурно все было сдѣлано, но все-таки я не считаю возможнымъ пройти молчаніемъ то, что, благодаря сочувствію губернскаго земскаго собранія, нѣкоторыя отрасли земскаго дѣла были поставлены такъ, что послужили примѣромъ для другихъ земствъ. Укажу на организацію статистическаго дѣла, ветеринарнаго дѣла, укажу на санитарно-медицинскую постановку, которая въ настоящее время даже рекомендована какъ примѣръ для другихъ земствъ и многія другія дѣла. Но, повторяю, что я заботился лишь о пользѣ дѣла, устраняя всякія личныя отношенія, всякія личныя дѣла. Но, гг., наступаетъ такое время, когда чувствуешь, что силы слабѣютъ и той энергіи которая можетъ быть была въ началѣ, уже нѣтъ. Такъ какъ всетаки мой девизъ заключается въ томъ, чтобы служить дѣлу для дѣла, то я думаю, что при упадкѣ силъ могутъ быть нѣкоторыя погрѣшности, нѣкоторыя недодѣлки и что въ этомъ случаѣ долгъ мой уступить мѣсто другимъ, болѣе свѣжимъ силамъ, которыя могутъ поработать этому дѣлу, которому я всецѣло посвящалъ себя. Я не стану говорить о прошедшемъ, скажу только, что приношу мою глу-

бокую благодарность собранію за тѣ отношенія, которыя существовали до настоящаго времени къ губернской управѣ и ко мнѣ лично и считаю долгомъ сложить съ себя званіе предсѣдателя губернской управы и просить избрать на мое мѣсто другое лицо".

Выслушавъ заявленіе Д. А., собраніе, по предложенію предсѣдателя выразило ему благодарность за долговременную и полезную службу и постановило назначить ему ежегодную пенсію въ размѣрѣ 5.000 р. большинствомъ 37 голосовъ противъ 3-хъ. За симъ сложили съ себя обязанности и остальные члены управы. Служащіе въ управѣ выразили Д. А. свое сожалѣніе о его уходѣ, между прочимъ, поднесеніемъ ему фотографической группы, гдѣ онъ является, окруженнымъ всѣми его сотрудниками по управѣ.

XV.

Служить земскому дѣлу Д. А. продолжалъ и послѣ того, какъ пересталъ быть предсѣдателемъ губернской управы.

Оставивъ должность предсѣдателя, Д. А. съ прежнимъ интересомъ относился къ земскому дѣлу въ качествѣ губернскаго гласнаго, не пропуская ни одного засѣданія губернскаго собранія и работая въ коммиссіи по сѣти дорогъ и въ экономическомъ совѣтѣ. Кромѣ того, Д. А. былъ выбранъ предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи и эта дѣятельность значительно оживляла его, давая ему возможность принимать довольна активное участіе въ дорогомъ ему земскомъ дѣлѣ. Но наиболѣе дѣятельное участіе онъ принималъ въ трудахъ подготовительной коммиссіи при совѣщаніи по вопросамъ о народномъ образованіи.

Въ декабрьскую сессію 1894 года, собранію представленъ былъ составленный Д. А. по порученію коммиссіи докладъ „о мѣрахъ необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать начальное обученіе доступнымъ для всего населенія". Докладъ этотъ, въ которомъ въ первый разъ была намѣчена полная сѣть училищъ, которая давала бы во всѣхъ мѣстностяхъ губерніи возможность для дѣтей школьнаго возраста посѣщать школу, указанъ путь для того, чтобы достигнуть этой цѣли безъ непосильныхъ для населенія и земства затратъ и представлены общія финансовыя соображенія по осуществленію сѣти, возбудилъ продолжительныя пренія, послѣ которыхъ намѣченную сѣть постановлено передать на предварительное разсмотрѣніе уѣздовъ, и хотя дѣло такимъ образомъ было отсрочено, тѣмъ не менѣе благодаря тщательной разработкѣ Д. А. порученнаго ему вопроса, разрѣшеніе его на много подвинуто и соображенія, приведенныя имъ, послужили основаніемъ для дальнѣйшихъ работъ въ томъ же направленіи.

Говоря объ отношеніяхъ Д. А. къ школьному дѣлу, слѣдуетъ еще упомянуть, что, близко зная современное положеніе земской начальной школы, онъ всегда возражалъ противъ внесенія въ программу школы иныхъ пред-

метовъ, кромѣ общеобразовательныхъ. Такъ, между прочимъ, при обсужденіи вопроса объ устройствѣ училища имени Бутикова, Д. А. высказывался противъ введенія въ курсъ школы ремесленныхъ классовъ, доказывая, что занятія ремесломъ несовмѣстимы съ общими занятіями въ школѣ съ трехлѣтнимъ курсомъ, при которомъ ученики едва успѣваютъ пройдти удовлетворительно установленную программу по общимъ предметамъ. При этомъ характерно для Д. А. и то, что, подписавъ въ качествѣ предсѣдателя управы докладъ собранію, предлагавшій устроить ремесленную школу, Д. А. передъ обсужденіемъ этого доклада заявилъ что онъ считалъ себя обязаннымъ подписать его, разъ докладъ идетъ отъ управы, согласно мнѣнію большинства членовъ ея, но лично онъ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и предлагаетъ немедленно открыть общеобразовательную школу, дабы не терять времени, пока будетъ происходить выясненіе того какому ремеслу обучать тамъ уже окончившихъ начальную школу. Собраніе не согласилось съ нимъ, но дѣйствительность потомъ оправдала его и результатомъ несогласія съ нимъ собранія было только то, что начальная школа была открыта только пятью годами позднѣе.

Участіе въ работахъ земскихъ коммиссій и засѣданіяхъ земскаго собранія не заполняло всего досуга Д. А., привыкшаго къ постояннымъ занятіямъ и скучавшаго сравнительнымъ бездѣйствіемъ. Между прочимъ, Д. А. говорилъ кое-кому изъ людей болѣе или менѣе близкихъ, что предполагаетъ приняться за составленіемъ записокъ автобіографическаго характера, но насколько извѣстно осуществить это предложеніе ему не удалось.

XVI.

Заканчивая обзоръ земской дѣятельности Д. А., необходимо еще разъ остановить вниманіе на слѣдующемъ.

Въ исторіи дѣятельности коллегіальнаго учрежденія весьма трудно выдѣлить долю участія каждаго изъ членовъ коллегіи, если это участіе спеціально не регистрировалось подробными протоколами, докладными записками и т. п., но въ дѣлопроизводствѣ управы такого рода подробная запись примѣнялась только въ очень рѣдкихъ и совершенно исключительныхъ случаяхъ. Поэтому и участіе Д. А. по каждому отдѣльному вопросу опредѣлить документально не представляется возможнымъ. Между тѣмъ въ виду полной компетентности Д. А. въ вопросахъ касающихся самыхъ разнообразныхъ сторонъ земской дѣятельности, активное его участіе во всѣхъ случаяхъ, когда требовалось коллегіальное обсужденіе является несомнѣннымъ. Оно отчасти доказывается и журналами губернскаго собранія, въ которомъ Д. А. давалъ самые обстоятельныя объясненія по всевозможнымъ вопросамъ и еще болѣе свидѣтельствомъ лицъ, вмѣстѣ съ нимъ работавшихъ. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдѣльныя предложенія по вопросамъ касающимся народнаго образованія, санитарнаго дѣла, ста-

тистическихъ изслѣдованій, формально излагавшіяся въ докладахъ какъ предложенія всей управы приводились въ настоящемъ очеркѣ какъ предложенія Д. А., то это оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что при распредѣленіи занятій между членами управы именно эти отрасли земскаго хозяйства и управленія почти исключительно представлялись разработкѣ Д. А. Но этимъ конечно, какъ уже объяснено выше, далеко не исчерпывалась доля участія Д. А. въ общихъ работахъ управы.

Въ тѣхъ случаяхъ когда инициатива извѣстныхъ земскихъ мѣропріятій и не исходила отъ Д. А., какъ напримѣръ въ дѣлѣ уравненія натуральныхъ повинностей, въ выдачѣ особаго вознагражденія законоучителямъ, въ дѣлѣ пособія на устройство библіотекъ учительскихъ и училищныхъ Д. А. принадлежала большею частію подробная разработка мѣръ исполненія. Точно также Д. А. принималъ непосредственное и самое дѣятельное участіе въ редактированіи обязательныхъ постановленій земскаго собранія по всѣмъ отраслямъ земскаго дѣла.

Въ теченіе всей своей 27 ми-лѣтней дѣятельности въ качествѣ предсѣдателя губернской земской управы, Д. А. держался одного ясно опредѣленнаго направленія. Самостоятельность уѣзднаго земства въ дѣлахъ мѣстныхъ, объединеніе общихъ мѣръ, не ограничивающихся предѣлами одного уѣзда, въ земствѣ губернскомъ, и далѣе: равномѣрное распредѣленіе земскихъ налоговъ, соотвѣтствующее дѣйствительной доходности предметовъ обложенія, бережливость въ расходованіи земскихъ средствъ и возможно производительное ихъ употребленіе, содѣйствіе со стороны губернскаго земства въ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей въ уѣздахъ, но не иначе, какъ при участіи мѣстныхъ силъ и средствъ, таковы были общія основанія отъ которыхъ Д. А. никогда не отступалъ.

Но помимо личной, неутомимой и разносторонней дѣятельности Д. А., немало способствовало успѣшному ходу земскаго дѣла и его отношеніе къ ближайшимъ сотрудникамъ: членамъ управы, завѣдующимъ отдѣлами и другимъ спеціалистамъ. Всегда оставаясь, въ курсѣ дѣлъ, хотя бы и порученныхъ непосредственно другимъ членамъ управы, Д. А. не только охотно принималъ на себя часть ихъ труда, но и замѣнялъ ихъ въ случаѣ болѣзни или временнаго отсутствія, не вмѣшиваясь однако въ ихъ распоряженія при обычныхъ условіяхъ. Что касается до завѣдующихъ отдѣлами или принявшихъ на себя другой спеціальный трудъ, то, крайне осторожно относясь къ выбору приглашаемыхъ лицъ, онъ глубоко сознавалъ, что предоставленіе имъ возможно широкой самостоятельности въ дѣлѣ имъ порученномъ, является существеннымъ условіемъ производительной работы. — Только благодаря такому отношенію къ дѣлу Д. А., ему удалось привлечь и на болѣе или менѣе продолжительное время удержать на земской службѣ такихъ дѣятелей, о которыхъ говорено выше и за которыми числятся не малыя заслуги, какъ въ проведеніи земскихъ начинаній, такъ не рѣдко и въ возбужденіи иниціативы по тѣмъ или другимъ

земскимъ вопросамъ. Къ этому надо прибавить, что успѣшному развитію земскаго дѣла въ Московской губерніи не мало способствовало и уменье Д. А. считаться съ обстоятельствами, не отступая никогда отъ почвы закона. Это, между прочимъ, было отмѣчено кн. А. А. Щербатовымъ въ его рѣчи на юбилейномъ обѣдѣ Д. А., гдѣ онъ высказалъ, что Д. А. умѣлъ избѣгать столкновеній съ администраціей, ограждая права земства въ предѣлахъ законности. Чувство законности было развито въ Д. А. въ сильной степени и онъ стойко проводилъ то, что считалъ соотвѣтствующемъ закону. Можно привести указанія, когда Д. А. въ тѣхъ или иныхъ коммиссіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, оставаясь при особомъ мнѣніи, когда того требовало по его представленію соблюденіе закона, проводилъ это мнѣніе дальше и есть примѣры, что его мнѣніе въ концѣ концовъ торжествовало, коль скоро окончательное рѣшеніе вопроса зависѣло отъ высшей инстанціи.

Если имѣть все это въ виду, то можно резюмировать характеристику всей земской дѣятельности Д. А. словами адреса, поднесеннаго Д. А. съѣздомъ земскихъ врачей Московскаго земства въ 1893 г., послѣднимъ, въ которомъ Д. А. участвовалъ въ качествѣ предсѣдателя управы. Въ этомъ адресѣ онъ характеризуется какъ „первый проводникъ земской идеи“. Далѣе говорится почти тоже самое, что говорилъ кн. А. А. Щербатовъ, въ приведенномъ выше его привѣтствій Д. А.; а именно: „Направляя ладью земскаго самоуправленія по неизвѣданному руслу общественной жизни, Вы стремились тщательно изучить всѣ пороги и подводные камни, дабы тѣмъ самымъ, какъ искушенный опытомъ кормчій, оберечь ее отъ нежелательныхъ толчковъ и продолжительныхъ остановокъ„ и далѣе отмѣчается, что „въ основу всякаго мѣропріятія Д. А. полагалъ подробное строго-научное разслѣдованіе подлежащихъ рѣшенію вопросовъ,“ что „онъ былъ чуждъ произвола и стоялъ на почвѣ легальности, на съѣздахъ врачей являлся не какъ официальный предсѣдатель, а какъ простой работникъ—товарищъ, при чемъ отсутствовало давленіе въ смыслѣ проведенія личныхъ воззрѣній, стремился къ коллегіальности въ рѣшеніи вопросовъ“ и проявлялъ сдерживающее вліяніе относительно порывовъ съ цѣлью дать „болѣе быстрое практическое осуществленіе начинаній“, что и „создало то равное, послѣдовательное развитіе санитарно-медицинской организаціи, которое на виду у всей Россіи“. Но тоже можно сказать и о другихъ начинаніяхъ Московскаго Губернскаго Земства.

XVII.

Въ предъидущемъ осталась совершенно не затронутой одна черта въ дѣятельности Д. А. Это глубоко-благоговѣйное его отношеніе къ дѣяніямъ и памяти Основателя земскихъ учрежденій, Царя—Освободителя.

Въ экстренную сессію Московскаго губернскаго собранія 7 марта 1881 г., послѣ избранія депутаціи, для поклоненія праху въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, Д. А. обратился къ собранію съ слѣдующей рѣчью:

„Позвольте мнѣ М. Г., воспользоваться нынѣшнимъ чрезвычайнымъ собраніемъ, вызваннымъ печальными событіями послѣднихъ дней, и предложить на ваше обсужденіе мысль, зародившуюся въ губернской управѣ, о томъ, какъ достойнымъ образомъ почтить память въ Бозѣ почившаго Императора. Минувшее царствованіе обильно было событіями, составляющими славу и гордость нашего отечества. Я не буду перечислять дѣянія великаго Царя, сошедшаго въ могилу. Они всѣ воочію передъ вами и до конца жизни не изгладятся въ нашей памяти. Но я припомню, что родиной усопшаго была Москва, и на насъ москвичахъ, лежитъ священный долгъ позаботиться о томъ, чтобы сохранить память о Немъ навѣки и передать Его дѣянія изъ рода въ родъ потомству. Наилучшимъ образомъ выразить дань благодарности Русскаго народа Царю-Освободителю представляется сооруженіе Ему на средства всей земли Русской памятника въ Москвѣ, искони считающейся сердцемъ Россіи, и именно въ Кремлѣ, русской святынѣ и колыбели въ Бозѣ почившаго Государя. Если мысль эта, въ чемъ я не смѣю сомнѣваться, встрѣтитъ сочувствіе собранія и заслужитъ ваше одобреніе, то я позволю себѣ представить на ваше утвержденіе проектъ постановленія въ этомъ смыслѣ, изготовленный губернской управой“. Собраніемъ единогласно принято было слѣдующее, предложенное Д. А., постановленіе:

„Благоговѣйно чтя память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, и желая выразить посильно чувства одушевляющія земство Московской губерніи, оно признаетъ священнымъ долгомъ сохранить навсегда въ потомствѣ, вѣчныя славы достойныя, дѣянія Царя, душу свою положившаго за благо Россіи, освободившаго милліоны крестьянъ, создавшаго земское и городское самоуправленіе, даровавшаго правый и скорый судъ, сооруженіемъ въ Москвѣ, сердцѣ Россіи, въ Кремлѣ, Русской святынѣ и колыбели усопшаго, памятника Царю-Освободителю.

А потому Московское губернское земское собраніе постановляетъ:

1. Повергнуть передъ Его Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйшее ходатайство о сооруженіи въ Московскомъ Кремлѣ памятника въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру Николаевичу.

2. Такъ какъ памятникъ этотъ долженъ быть выраженіемъ благоговѣйной дани Русскаго народа Царю-Освободителю и сооруженъ на средства всей земли Русской, то въ твердомъ убѣжденіи, что всѣ земства и города Имперіи единодушно отзовутся на призывъ къ участію въ этомъ сооруженіи, всеподданнѣйше ходатайствовать, дабы разрѣшено было Московскому земству принять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ“.

Выступая съ приведенною выше рѣчью Д. А. еще разъ свидѣтель-

ствовалъ о томъ чувствѣ благоговѣйнаго почитанія, съ которымъ онъ всегда относился къ свѣтлой личности Царя-Освободителя и къ Его великимъ реформамъ. То общее одушевленіе, съ которымъ встрѣтили эти реформы всѣ лучшіе люди шестидесятыхъ годовъ, Д. А. сохранялъ неизмѣнно до самой своей смерти; желаніемъ послужить по мѣрѣ своихъ силъ дѣлу созданному великими преобразованіями Императора Александра II, руководился онъ во всей дальнѣйшей дѣятельности и каждый разъ какъ представлялся случай тѣмъ или инымъ способомъ увѣковѣчить память о славныхъ дѣяніяхъ Царя, Д. А. первый подавалъ свой голосъ: такъ въ декабрьскую сессію 1888 года, въ виду истеченія 1 января 1889 г.—25-ти лѣтъ со дня подписанія указа о введеніи земскихъ учрежденій, — Д. А. внесъ предложеніе объ устройствѣ колоніи для сиротъ въ память этого событія, причемъ возбуждено было ходатайство о присвоеніи колоніи наименованія: „Имени Государя Императора Александра II“.

Въ очередную сессію губернскаго собранія въ засѣданіи 22 декабря 1889 г. происходившемъ, какъ и всѣ прежнія въ домѣ дворянскаго собранія, Д. А. обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью, въ которой еще разъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразился взглядъ Д. А. на дальнѣйшія задачи земства. „3-го октября 1865 г. въ стѣнахъ этого зданія открыто было первое земское собраніе, и земство приступило къ отправленію своихъ обязанностей. Въ первый періодъ времени занятія земства носили на себѣ характеръ болѣе организаціонный. Но теперь мы стоимъ на рубежѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ дѣятельности земства и нѣсколько иного направленія въ его существованіи. Организаціонная часть закончена, и теперь намъ нужно приступить къ дѣятельности болѣе широкой. Къ развитію того, что было положено въ основаніе земскихъ учрежденій. Въ настоящее время губернская управа уполномочила меня внести въ собраніе одно предложеніе, которое, я думаю, встрѣтитъ общее сочувствіе среди гласныхъ. Поработавъ въ томъ направленіи, которое указано было положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, позанявшись главнымъ образомъ устройствомъ и организаціей и приступая теперь къ новой дѣятельности земства, мы не можемъ не вспомнить имени того, кому оно обязано своимъ существованіемъ. Я говорю о въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, державнымъ словомъ котораго земство вызвано къ существованію. Я говорю о томъ Государѣ, царствованіе котораго ознаменовалось великимъ дѣяніемъ освобожденія крестьянъ и введеніемъ, какъ необходимаго условія для развитія этого дѣла, земскихъ учрежденій и судебной реформы. Мы были свидѣтелями того, что происходило въ теченіе послѣднихъ 24 лѣтъ, и можемъ сказать, что когда съ престола раздалось державное слово, обращенное къ населенію, призванному вѣдать въ лицѣ своихъ представителей дѣла общества, дѣло это пошло успѣшно, и всѣ приложили старанія для того, чтобы оправдать оказанное имъ довѣріе. Мы видѣли, что у насъ создался судъ скорый и правый... И не помянуть имени Того, кому обя-

заны мы этимъ, было бы на мой взглядъ неблагодарностью. Поэтому губернская управа, въ виду новаго направленія, предстоящаго въ дѣятельности земства, полагаетъ, что со стороны Московскаго земства было бы и совершенно своевременно и совершенно сообразно съ тѣмъ характеромъ, который всегда носило земство, почтить память покойнаго Государя постановкой мраморнаго бюста въ зданіи губернской управы. Губернское собраніе учрежденіе не постоянное и не имѣетъ своего зданія. Управа же есть учрежденіе постоянное и имѣетъ собственное помѣщеніе. Губернская управа думаетъ, что этимъ земство докажетъ тѣ чувства, которыя всегда сохранятся въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей въ память покойнаго Государя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ту безпредѣльную преданность нынѣ царствующему Государю, которою всегда неизмѣнно отличалось къ своимъ Монархамъ Московское земство".

Предложеніе это было принято собраніемъ единогласно.

XVIII.

Изъ приведеннаго видно, какъ Д. А. пользовался каждымъ случаемъ для запечатлѣнія памяти Царя-Освободителя не только своей дѣятельностью, но и внѣшними проявленіями благоговѣйнаго отношенія къ ней. Мысль о постановкѣ Императору Александру II памятника въ Московскомъ Кремлѣ была выражена впервые также Дмитріемъ Алексѣевичемъ Наумовымъ. Но ему не суждено было дожить до полнаго осуществленія этой мысли, до открытія памятника Царю-Освободителю. 29 іюня 1895 г. Д. А. не стало.

Еще за нѣсколько дней до смерти Д. А. пришелъ по старой памяти въ Управу и зайдя въ одно изъ отдѣленій ея, бесѣдовалъ тамъ о своихъ предположеніяхъ по поводу хозяйства въ своемъ имѣніи с. Кузьминскомъ Подольскаго уѣзда. Пріѣхалъ онъ туда 26 іюня, повидимому, совершенно бодрымъ и здоровымъ. 29 іюня онъ весь день былъ на ногахъ, осматривая утромъ вмѣстѣ съ приказчикомъ имѣнія рощу, затѣмъ посѣтилъ въ сосѣднемъ имѣніи родственницу, послѣ обѣда до 8 ч. вечера ходилъ въ полѣ и вернувшись домой распорядился подать себѣ самоваръ, что и было исполнено слугой, удалившимся затѣмъ ужинать. Вернувшись послѣ ужина, слуга увидалъ Д. А. неподвижно лежащимъ на полу. Вызвавъ изъ конторы прикащика, онъ распорядился послать за священникомъ. Стоявшій у окна врачъ Кузьминской лѣчебницы Н. И. Невскій, пользовавшійся дружескимъ расположеніемъ Д. А. и только что наканунѣ бесѣдовавшій съ нимъ до 12 ч. ночи, услыхавъ крикъ: „скорѣе доктора къ Д. А., съ нимъ что то дурно", бросился бѣжать въ усадьбу, но по дорогѣ встрѣтилъ священника, объяснившаго, что все кончено. Дѣйствительно: тѣло уже похолодѣло, пульса не было.

Тотъ, кому случалось бывать у Д. А. въ его домѣ въ Москвѣ, теперь уже несуществующемъ, помѣщавшемся на углу Пречистенки и Штатнаго переулка, невольно поражался тѣмъ, что въ этомъ большомъ, старинномъ барскомъ домѣ, Д. А. ютился обыкновенно и запросто принималъ не въ обширной гостинной, наполненной старинной мебелью, а въ маленькомъ рабочемъ кабинетикѣ, отличавшемся крайней простотой обстановки, можно сказать даже отсутствіемъ ея. Д. А. какъ будто не требовалъ ея, весь занятый внутреннимъ содержаніемъ того дѣла, которому посвятилъ свою достойную жизнь и свою богато одаренную, цѣльную натуру. Еще болѣе поражаетъ та обстановка, которой онъ довольствовался въ своемъ родовомъ имѣніи. Въ обширномъ, двухъ-этажномъ барскомъ домѣ, онъ удѣлилъ для себя комнату нижняго каменнаго этажа, кирпичныя стѣны которой, даже не оштукатуренныя, поражаютъ своей первобытной неприглядностью. Въ этой комнатѣ онъ и скончался. Личной жизни у этого человѣка какъ бы не было или, вѣрнѣе сказать,—вся она заключалась въ его общественныхъ интересахъ.

Получивъ телеграмму отъ Н. И. Невскаго, губернская управа немедленно сдѣлала всѣ распоряженія, чтобы почтить покойнаго торжественнымъ погребеніемъ и доставить нѣкоторыя удобства многочисленнымъ его почитателямъ которые пожелаютъ поклониться его праху.

3 іюля въ присутствіи друзей, бывшихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ Д. А., и представителей отъ разныхъ учрежденій опущенъ въ могилу внутри церковной ограды с. Кузьминскаго, на родовомъ кладбищѣ семейства Наумовыхъ **гробъ Д. А., послѣдняго** въ родѣ.

---

23 ноября 1895 г. по открытіи очередной сессіи губернскаго земскаго собранія отслужена была панихида по Д. А. послѣ которой предсѣдатель собранія обратился къ гласнымъ съ рѣчью, упомянувъ о томъ, что лучшую часть жизни Д. А. посвятилъ земскому дѣлу и любимымъ его дѣломъ было дѣло народнаго образованія и что въ докладѣ его обсуждавшемся въ предыдущую сессію собранія намѣченъ путь для того, чтобы сдѣлать образованіе доступнымъ всему населенію, высказалъ мнѣніе, что лучшимъ памятникомъ покойному будетъ осуществленіе этой завѣтной его мечты.

Затѣмъ предсѣдатель губернской земской управы, Д. Н. Шиповъ, въ своей рѣчи, перечисливъ заслуги Д. А. передъ Московскимъ земствомъ, сдѣлалъ краткую характеристику его дѣятельности, въ которой высказалъ между прочимъ, что „въ своей неутомимой и строго опредѣленной дѣятельности Д. А. всегда имѣлъ въ виду исключительно только пользу дѣла и правильную его принципіальную постановку. Исходя изъ глубокаго убѣжденія, что исполненіе земскими учрежденіями предстоящихъ имъ задачъ возможно только при условіи обезпеченія необходимой самостоятельности и

проявленія личной и общественной иниціативы, Д. А былъ всегда поборникомъ развитія общественнаго самосознанія и общественной самодѣятельности, Д. А. всегда старался привлечь къ земскому дѣлу лицъ, которыя съ нимъ вмѣстѣ ставили себѣ на первомъ планѣ служеніе задачамъ общественнаго самосознанія и самодѣятельности. Въ такой постановкѣ дѣла нельзя не видѣть причину столъ успѣшной земской дѣятельности, протекшей подъ руководствомъ незабвеннаго Д. А.". По окончаніи этой рѣчи, Д. Н. Шиповъ внесъ отъ имени губернской управы предложенія: утвердить распоряженія управы по погребенію, принять на счетъ губернскаго земства произведенные расходы и избрать коммиссію, которой поручить совмѣстно съ управой представить докладъ о томъ, чѣмъ можетъ губернское земство достойно увѣковѣчить память о Д. А. Наумовѣ. — Всѣ эти предложенія приняты собраніемъ единогласно, послѣ чего принято предложеніе предсѣдателя управы пригласить въ составъ коммиссіи и представителей уѣздныхъ земскихъ управъ.

Въ экстренную сессію губернскаго земскаго собранія былъ внесенъ докладъ комиссіи, въ которой она высказываетъ слѣдующее: „Сооруженіе памятника на могилѣ Д. А. Наумова должно составлять прямую обязанность Московскаго губернскаго земства, которому покойный цосвятилъ всю свою жизнь". Затѣмъ коммиссія устанавливаетъ, что „Д. А. Наумовъ въ теченіе почти тридцати лѣтъ стоялъ во главѣ Московскаго губернскаго земства въ качествѣ предсѣдателя управы. Онъ всю свою жизнь посвятилъ служенію зескому дѣлу Московской губерніи и положилъ въ него всю свою душу. Его неусыпной энергіи и его искренней преданности общественному дѣлу главнымъ образомъ и обязано Московское земство тѣми результатами своей тридцатилѣтней дѣятельности, которые въ настоящее время у всѣхъ на глазахъ. Такъ какъ сборникъ постановленій является въ сущности отчетомъ о дѣятельности Московскаго земства за истекшее тридцатилѣтіе, то само собою разумѣется, что онъ долженъ быть посвященъ памяти того, кто въ теченіе всего этого времени руководилъ дѣятельностью земства и всегда стоялъ на стражѣ его интересовъ". Далѣе коммиссія отмѣчаетъ: „Какъ извѣстно любимымъ дѣломъ покойнаго было дѣло народнаго образованія. Два года тому назадъ Д. А. представилъ въ собраніе докладъ, гдѣ онъ намѣтилъ путь, по которому надлежитъ идти земству, дабы сдѣлать начальное образованіе доступнымъ всему населенію Московской губерніи".

Губернское собраніе, соглашаясь съ мотивами доклада коммиссіи, въ засѣданіи 9 апрѣля 1896 г. постановило:

1) Поставить на средства земства памятникъ на могилѣ Д. А. Наумова и принять на попеченіе земства постоянное наблюденіе за содержаніемъ какъ памятника, такъ и вообще могилы покойнаго.

2) Посвятить памяти Дмитрія Алексѣевича сборникъ постановленій губернскаго земскаго собранія за протекшее тридцатилѣтіе, составленіе

котораго, собраніемъ послѣдней очередной сессіи, поручено губернской управѣ. Предпослать сборнику біографическій очеркъ покойнаго и приложить къ изданію его портретъ.

и 3) Присвоить пособіямъ, отпускаемымъ уѣзднымъ земствамъ съ цѣлью сдѣлать народное образованіе общедоступнымъ для всего населенія губерніи—наименованіе:—„пособія Московскаго губернскаго земства на осуществленіе общедоступности народнаго образованія имени Дмитрія Алексѣевича Наумова“.

DK 236 .N3 D55 1899 C.1
Dmitrii Alekseevich Naumov :
Stanford University Libraries
3 6105 040 696 945

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

DK 236 .N3 D55 1899 C.1
Dmitrii Alekseevich Naumov :
Stanford University Libraries
3 6105 040 696 945

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004